

ЯНВАРЬ 1/88

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 Г.

РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ ВСЕХ, КТО ПОДПИСАЛСЯ НА «РОВЕСНИК» 1988 ГОДА, И ПОСТАРАЕТСЯ СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ ОПРАВДАТЬ ОЖИДАНИЯ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ISSN 0131-5994

ОГАСТА, штат Мэн. Снимок слева вручили нашему корреспонденту ленинградские школьники в самолете, следующем рейсом Нью-Йорк — Москва. Снимок запечатлел их у памятника Саманте Смит в ее родном городе. Скульптура изображает девочку, выпускающую голубя мира, у ног ее лежит медвежонок, символизирующий Советский Союз. Десять советских школьников приехали в США по приглашению Фонда Саманты Смит. Ребята побывали в Вашингтоне, Бостоне, в летнем лагере Олфорд Лэйк, где встретились с 20 бывшими одноклассниками Саманты. В Олфорд Лэйк советские и американские школьники посадили две ели в память о неделе, проведенной вместе, в честь американской школьницы, которую называют послом мира, а дело, начатое ею, продолжают десятки и сотни людей в разных странах планеты.

ДУЛУТ, штат Миннесота. «История в наших руках», — говорит Брукс Андерсон, один из организаторов проекта «Дулут, США, — Петрозаводск, СССР, — города-побратимы». В 1986 году состоялось первое знакомство представителей породнившихся городов. Делегация Дулута отправилась в Петрозаводск. Желающих посетить город-побратим оказалось очень много: пенсионеры, школьники и учителя, студенты и ученые. Преимущество получили знающие русский язык. В Петрозаводске американцы ходили в гости к частным лицам и на банкеты, побывали в школах, на заводах, в музеях. «Действительность превзошла все наши ожидания», — сказал Брукс Андерсон. — Это были такие счастливые дни. У нас установились отличные отношения со всеми, с кем мы познакомились». В этом году делегация из Петрозаводска приехала в Дулут. «Мы перегрузили наших гостей программой», — сказал мэр города, — но все наши жители хотели встретиться с советскими людьми, и они не могли отказать. Оказалось, что жители городов-побратимов очень похожи: искренние, веселые, доброжелательные, упрямые. Планы на будущее у нас грандиозные: обмен профсоюзными и спортивными делегациями, преподавателями школ и вузов, изучение русского и соответственно английского языка». «Жажда взаимопонимания, мира объединяет нас», — утверждает Брукс Андерсон.

ХЕЛЬСИНКИ. По приглашению общества дружбы с арабскими народами и сотен семей Финляндии в стране гостили палестинские дети-сироты, которые сейчас помещены в приюты Сирии и Туниса. Палестинские ребята жили в финских семьях, побывали во всех крупных городах страны, выступали по телевидению и на открытых сценах, показывая танцы своей родины, которую они никогда не видели. Встречи с палестинскими детьми привлекли внимание финской общественности к проблемам арабского народа Палестины.

ПЛАКАТ ТУРЕЦКОГО ХУДОЖНИКА ДЕМИРЕЛА

ПАРИЖ. Этот плакат был выпущен молодыми коммунистами Франции в защиту своего соотечественника, ставшего жертвой апартеида. А история такова. Молодой преподаватель Пьер-Андре Альбертини приехал из Франции в ЮАР преподавать в одном из университетов страны. В октябре 1986 года власти Претории приговорили Альбертини к 4 годам тюрьмы за отказ давать показания против своих студентов, участвовавших в антирасистских выступлениях. Если бы молодые коммунисты Франции (сам Альбертини не принадлежит ни к какой партии) не организовали кампанию за его освобождение, вполне возможно, никто бы и не узнал, что в тюрьме ЮАР пытаются молодого преподавателя. Такое вопиющее нарушение прав человека почему-то не волновало «свободную» прессу Франции. Через десять с половиной месяцев Альбертини был освобожден, на родине его встречали как героя. Но вскоре он получил повестку, предписывающую ему явиться в соответствующие органы и объяснить компетентным лицам свое поведение в ЮАР, то есть почему он отказался быть доносчиком.

ГАВАНА. Исследователи Национального центра биопрепаратов Кубы изобрели вакцину, предупреждающую заболевание эпидемическим менингитом и облегчающую лечение заболевших. В середине семидесятых годов наблюдалось резкое увеличение случаев этой болезни на Кубе, в США и Европе. Кубинские исследователи выявили районы повышенного риска. Там были сделаны прививки всем жителям в возрасте от шести месяцев до 19 лет. Кубинские исследователи надеются, что к 1991 году они смогут полностью обеспечить вакциной свои нужды (пока ее производство довольно дорого и требует длительного времени) и помочь развивающимся странам, где тоже свирепствует эта болезнь.

ВАНКУВЕР. Сторонники мира этого канадского города устроили демонстрацию протеста против захода в Ванкуверский порт американского корабля с ядерным оружием на борту. Ванкуверцы вышли в море на весельных лодках, яхтах и небольших катерах и пытались блокировать вход в гавань. Один из организаторов протеста, Саймон Уотерс, сказал позднее журналистам, что он был потрясен жестокостью американских моряков, которые, не колеблясь, крушили суденышки демонстрантов, стараясь потопить их.

МАНАГУА. В столице Никарагуа прошел второй ежегодный Международный джазовый фестиваль, в котором приняли участие прославленные музыканты мира, в том числе и из США. В приглашении Никарагуанского союза музыкантов и Сандинистской ассоциации работников культуры говорилось, что народ революционной Никарагуа верит в творческие возможности Американского континента и, несмотря на суровые условия, в которых он находится после долгих лет жестокой борьбы за право свободно строить свое собственное будущее, делает «все возможное для поддержки творческих сил нашего континента». Крупнейшие американские джазовые группы, принимая приглашение, заявили, что идеал Дюка Эллингтона — распространять мир и добрую волю своей музыкой — восторжествует в Манагуа.

МОСКВА. Красная площадь, фотография на память о первом совместном советско-американском лагере «Дети как социальные изобретатели и творцы XXI века», в котором приняли участие летом прошлого года пятьдесят четыре молодых представителя двух стран. Фото на первой странице обложки **Б. РАСКИНА.**

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. В. Загладин. НАША ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
9. А. Поликовский. ПОЕЗД
12. ВСЯ ПРАВДА О ДЮВАЛЬЕ
15. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. ТРИ ВЗГЛЯДА НА СОВРЕМЕННУЮ ФОТОГРАФИЮ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Тимоти Зан. ПЕШЕЧНЫЙ ГАМБИТ
27. Дейвид Фрикс. АМЕРИКАНСКИЙ ПРОСТАК
30. Дэвид Куонтик. СЛАВА КОРОЛЕЙ НЕ УМИРАЕТ

Ровесник^{1/88}

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮ-
ТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУД-
НИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИ-
МОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва,
ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны 285-89-20 — для справок,
285-80-62 — отдел писем.
Перепечатка материалов разреша-
ется только со ссылкой на ежеме-
сячник.

Сдано в набор 5.11.87. Подписано
в печ. 11.12.87. А 01292. Формат
84×108^{1/16}. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,6. Тираж 2 300 000 экз. Це-
на 35 коп. Заказ 267.

Ордена Трудового Красного Знаме-
ни ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
К-30, ГСП-4, Сушевская ул., 21.

смотрите

Дети двух материков представлены в этом номере «Ровесника»: фотографии детей Южной Америки на этом развороте и дети Африки в изображении своих сверстников из разных стран мира на четвертой странице обложки. Что у них общего? И те и другие — надежда и будущее своих континентов и стран. И те и другие — суверенные наследники неслетных богатств своих земель. И те и другие, едва вступив в жизнь, испытывают на себе непомерную тяжесть долгов промышленно развитым странам капиталистического мира.

Перестройка затронула не только внутриполитическую сферу деятельности нашей партии, но и ее международную активность.

Понятно, что мы не создали какой-то принципиально новой политики. Сегодня, как и ранее, в ней сочетаются два элемента: преемственность и обновление. Преемственность — потому что наша политика ныне, как и в прошлом, базируется на принципах, которые были разработаны В. И. Лениным. Давайте перечитаем ленинский Декрет о мире. Конечно, это документ своей эпохи. Но принципы, которые в нем сформулированы, — те же самые принципы, которых мы придерживаемся и сейчас.

В самом деле, первый тезис ленинского декрета заключался в том, что агрессивная, захватническая война — преступление перед народами. Тогда впервые в истории это было прямо, черным по белому записано в государственном документе... Такова наша точка зрения и сегодня. Сегодня, в ядерную эпоху, война тем более не может расцениваться иначе, как преступление перед всем человечеством.

Второй тезис ленинского декрета

эта ленинская идея сегодня реализуется в деятельности нашей партии, нашего государства. И сегодня она имеет даже большее значение, чем вчера. Потому что сегодня народы, сознание которых значительно выросло, сами стремятся включаться в обсуждение, разработку и реализацию принципов миролюбивой политики, политики демократического мира.

Как видим, в наши дни ленинские принципы внешней политики социализма полностью сохраняют свою силу. И мы их последовательно придерживаемся. Но, разумеется, каждый из этих принципов применяется ныне в соответствии с особенностями нашего времени. К этим особенностям мы еще вернемся.

Внутренняя перестройка в Советском Союзе создает особо благоприятные условия, особо надежную основу для проведения последовательно миролюбивой политики. Почему? Потому, что ценностная ориентация нашей перестройки, ее смысл состоит не просто в том, чтобы нарастить экономические мускулы (как иногда говорят на Западе), а в том, чтобы, развивая

эту, новую эру не только в науке, технике и военном деле, но и в политике. Хотя надо прямо сказать, что осознано это было далеко не сразу.

Сейчас, после того, как все возможные последствия ядерной войны были проанализированы учеными и политиками, философами и социологами, советское руководство пришло к мнению: необходимо сделать практические выводы из такого анализа. И здесь пришлось многое переосмысливать заново. Не думайте, что это было просто.

Прежде всего, если мы считаем — а мы так считаем, — что ядерная война недопустима, что в ней никто не может одержать победы, то, стало быть, надо поставить как задачу номер один предотвращение ядерной войны, исключить ее из жизни общества. Кажется, вывод очень простой и легкий. Но ведь еще недавно мы исходили из другого тезиса. И в государственных документах, и в документах межпартийных — достаточно сослаться на совещания коммунистических партий 1957 и 1960 годов, — записывалось, что в ядерной войне победит социализм. Не

Наша внешняя политика —

заключается в том, что мир должен быть демократическим, основанным на уважении прав всех народов и государств, на уважении прежде всего права каждого народа самостоятельно определять свою судьбу. Этому принципу мы придерживаемся и сегодня. И настаиваем на нем с тем большей силой, что сегодняшний мир — это мир почти двухсот независимых государств, каждое из которых имеет свои права и свои интересы, это мир народов, каждый из которых вправе определять свою судьбу так, как он того хочет. Соблюдение ленинского принципа уважения прав народов — это, по существу, предпосылка нормального развития международных отношений.

Третья идея Ленина состояла в том, что отношения между всеми странами, в том числе между Советской Россией и капиталистическим миром, должны исключать всякое насилие, всякое нарушение прав и суверенитета друг друга. Все пункты, как писал Ленин, которые касаются сотрудничества на равноправных основах, мы сохраняем и поддерживаем. Это была, по сути дела, первая постановка вопроса о мирном сосуществовании двух систем. Сегодня, в условиях существования ядерной угрозы, мирному сосуществованию просто нет альтернативы.

Наконец, четвертая идея Ленина, выраженная в Декрете о мире, заключается в том, что не только правительства, но и народы должны «делать политику». Надо помочь народам вмешаться во внешнеполитические дела, от которых их традиционно отстраняли, —

экономику страны, углубляя демократию, создавать все более благоприятные условия для развития личности.

Мы стремимся к коммунистическому идеалу, то есть к всестороннему развитию личности. Разумеется, на каждом этапе эта цель реализуется в силу возможностей страны, но с 1917 года она остается неизменной. Это, естественно, и определяет характер советской внешней политики. Внешнюю политику мы рассматриваем как средство создать благоприятные международные условия для решения этой глубоко гуманистической задачи, задачи, ориентированной на самое полное обеспечение интересов каждого человека и всего человечества.

Но, кроме внутриполитической обусловленности нашей мирной политики, есть еще и другая ее обусловленность, то есть другой источник миролюбия нашего внешнеполитического курса. Наше настойчивое стремление к миру — это и результат всестороннего учета особенностей современного мира, особенностей эпохи, в которую мы живем.

Специфика нашего времени во многом определяется научно-технической революцией. К сожалению, как не раз бывало в истории, результаты научно-технических открытий были в первую очередь применены в военном деле. Первым практическим применением великого открытия энергии атома стало создание атомной бомбы. Сделано это было империализмом, прежде всего Соединенными Штатами. Ядерный взрыв в Хиросиме открыл, по существу,

этом строились наши подходы, наша военная и внешняя политика.

Мне приходится много встречаться и с друзьями, и с врагами. Вопросы бывают очень разными, в зависимости от того, с кем говоришь. Но, бывает, задают и одинаковые. Так, часто спрашивают: «Вы вот так много переделываете и внутри страны, и во внешней политике. Но нужно ли это?» Скажу откровенно. Что касается внутреннего положения в стране, то если бы мы не встали на путь перестройки, мы столкнулись бы с глубокой кризисной ситуацией. Это понял народ, это поняла партия, и партия сделала решительные выводы.

То же самое и во внешней политике. Если бы мы не сделали нужных выводов и продолжали идти вперед, считая, например, что безопасность страны мы лучше всего обеспечим с помощью создания и накопления все новых видов оружия; если бы мы не изменили подход и считали бы, что в ядерной войне можно победить, — в таком случае наша линия сейчас, наверное, была бы иной.

Но мы изменили старые подходы. Мы отказались от идеи возможной победы в ядерной войне. Мы отказались от идеи обеспечения безопасности исключительно военными средствами и считаем, что для решения этой задачи прежде всего нужны средства политические. Мы отказались от идеи, что мир и безопасность можно обеспечить усилиями, скажем, только социалистических стран, и пришли к выводу, что безопасность может быть плодом, ре-

Вчера и сегодня

В. Загладин

зультатом лишь широкого международного сотрудничества.

А это заставило нас по-новому взглянуть и на некоторые идеи, предложения, выдвигавшиеся другой стороной. Например, с точки зрения логики победы в ядерной войне, логики обеспечения безопасности преимущественно военными средствами «нулевой вариант» по ракетам средней дальности в Европе принимать было нельзя. Но с точки зрения политического подхода, исключая тезис о возможности победы в ядерной войне, это стало просто необходимым. И мы не только приняли «ноль», но и добавили к нему второй — по оперативно-тактическим ракетам. Приходилось нередко «переламывать» самих себя. Но после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС этот процесс шел исключительно энергично. И речь шла не только о выработке новых концепций, но и об усилиях во имя немедленной их реализации. Однако, прежде чем я скажу об этой реализации, надо привести еще одно соображение.

Наши противники нередко говорят так: «Хорошо, вы утверждаете, что вы за мир, за безъядерный мир, за политический подход к проблеме безопасности, за сотрудничество. Это все хорошо. Но ведь вы же придерживаетесь своей коммунистической идеологии! Вы считаете, что социализм во всем мире победит. Стало быть, вы хотите навязать социализм всем другим странам. Как же сочетается одно с другим?»

Друзья в этой связи тоже задают вопросы, но по-другому, конечно. «Не

означает ли подчеркивание мира, его необходимости, — говорят они, — отказа от революционных целей?»

Когда мы говорим с противниками, мы говорим им: мы не скрываем своей убежденности в победе социализма в мировом масштабе. Убеждены в этом, исходя из теории и опираясь на практику 70 лет после Октябрьской революции. Вы убеждены в другом. Одни из вас говорят, что капитализм — это наилучший строй. Другие стоят на почве идеи конвергенции — сращения, слияния социализма и капитализма, и так далее.

Давайте условимся: пусть каждый думает, что хочет и как хочет. Мы считаем: разница в убеждениях отнюдь не должна вести к военным конфликтам.

Далее, мы говорим: наша убежденность в победе социализма отнюдь не означает стремления реализовать это наше убеждение с помощью силы, с помощью экспорта революции или экспансионизма. Мы принципиальные противники экспорта революции. Потому что любая революция — социалистическая, национально-освободительная, демократическая, какая угодно — может быть успешной только в том случае, если она поддержана народом и осуществлена народом. Любая революция — результат развития внутренних противоречий в каждой данной стране. Когда они достигают точки кипения, накала, начинается революция. Но извне революцию не организуешь. Или это будет не революция, а насилие над народом данной страны. Насилие, которое недопустимо. Иными словами,

повторим, экспорт революции — это не наша политика, он чужд нам в принципе.

Мы обращаемся к нашим противникам, к Западу с таким предложением: давайте договоримся, что каждый народ должен сам избирать свой путь; давайте договоримся выполнять требования Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела любой страны; обеспечим право каждого народа реализовать свой выбор.

Мы говорим нашим противникам: если вы считаете, что вы правы, что ваше общество лучше, то мы убеждены в обратном, в том, что наше общество более прогрессивно. Но давайте доказывать это друг другу не силой оружия, а аргументами социальной практики.

Перед человечеством стоит много проблем. Они проявляются повсюду. Вот и давайте покажем, какое общество лучше решает эти проблемы, в более полной мере отвечает интересам человека, трудящихся. Это позиция ленинская. Вы помните, Ленин не раз говорил о том, что свой главный вклад в общественное развитие социализм вносит силой примера. Такова наша позиция и сегодня. И я позволю себе привести небольшую цитату из Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии: «Мы исходим из того, что главное направление борьбы в современных условиях — создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к глав-

ному богатству — самому человеку, его возможностям. Вот здесь мы и предлагаем соревноваться с системой капитализма. Соревноваться в условиях прочного мира».

Такова наша позиция. Так мы отвечаем нашим противникам. Ну а теперь — ответ, который мы даем друзьям, когда они спрашивают нас, а не теряем ли мы свою революционную перспективу, делая акцент на мир.

В мире есть две системы. Социализм и капитализм. Между ними идет борьба. Это борьба двух противоположностей, говоря философским языком. Исходя из нынешней ситуации, учитывая недопустимость ядерного конфликта, эта борьба должна вестись мирными и только мирными средствами. То есть борьба между капитализмом и социализмом должна исключать войны между ними.

Борьба, стало быть, идет в форме того самого соревнования, о котором мы говорим. Во-первых, социализм раскрывает силу своего примера, доказывая, что он представляет собой действительно новое общество, способное лучше решить проблемы, стоящие перед человечеством. Тем самым он подкрепляет веру сил прогресса в свою победу.

Далее, во-вторых, в ходе такого соревнования меняется соотношение сил в мире. Это — процесс, который начался с Октябрьской революции и идет беспрерывно. Социализм постепенно накапливает силы. Сейчас в военно-стратегическом плане он добился паритета, в превосходства в этом плане он и не добивается. В экономике же паритета пока еще нет. И это оказывает очень серьезное воздействие на политику капитализма, на его деятельность. Здесь мы будем добиваться прогресса, паритета, а затем преимущества.

В-третьих, в ходе соревнования растут возможности социализма оказывать интернационалистскую поддержку всем, кто борется за реализацию права народов на выбор своей судьбы. Разумеется, повторю, исключая экспорт революции.

Таким образом, наш курс на мир, на мирное сосуществование и соревнование двух систем никак не является отходом от наших революционных целей. Это курс на создание благоприятных условий для социального прогресса человечества.

В конечном счете социальный прогресс был и будет впрямь результатом взаимодействия социализма и всех других революционных сил. Причем каждая из них будет играть свою роль. Никто не может за нас построить социализм, укрепить его и дать ему перерасти в коммунизм. Это делаем мы. В свою очередь, социализм никак не может подменить другие силы мира и прогресса на их собственных участках борьбы. Но взаимодействие взаимно укрепляет наши силы. И дает возможность человечеству продвигаться вперед.

А теперь вернемся к внешней поли-

тике, к тому, как фактически осуществлялась ее перестройка, что эта перестройка означала и что она дала.

Я уже сказал, что эта перестройка началась после апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года. Конечно, размышления имели место и раньше. И раньше наша партия тщательно изучала все проблемы, которые вставали перед нами, и раньше стремилась найти лучшие решения. Но кардинальные перемены в мышлении произошли именно после апрельского (1985 года) Пленума Центрального Комитета.

После Пленума работа шла по трем основным направлениям. Первое направление — разработка концепции, подхода. Об этом мы уже говорили. Второе направление — разработка программы действий, то есть уже не идейной, а политической платформы. И здесь решающее значение имели три документа. Первый — заявление Генерального секретаря ЦК нашей партии товарища М. С. Горбачева от 15 января 1986 года, в котором была выдвинута идея безъядерного мира к 2000 году. Второй документ — программа создания всеобъемлющей системы международной безопасности, принятая XXVII съездом партии. Третий — статья М. С. Горбачева «Реальность и гарантии безопасного мира».

Содержание этих документов известно. Хочу лишь подчеркнуть, в чем заключается их отличие от программ мира, которые выдвигались XXIV, XXV, XXVI съездами партии. А отличие это весьма существенное. На этих съездах мы сосредоточивали усилия — и правильно делали — на решении конкретных проблем: региональных конфликтов, проблем сокращения тех или иных видов оружия и т. д. Но общей перспективной платформы мы тогда не выдвигали. Теперь же выдвинута именно такая, общая, даже всеобщая перспективная платформа. И она заключается не просто в том, что нужно не допустить войну. Этого мало, хотя это, конечно, важнейший, кардинальный исходный пункт. И надо добиваться не только исключения ядерной войны, но и прекращения всех других войн — локальных.

Однако, даже если мы снимем ядерную угрозу сейчас, она в принципе может возродиться заново. Поэтому нужно добиваться создания гарантий против ее возрождения. А это значит, что нужно изменить сам международный порядок. И такое требование выдвинуто в новой редакции Программы партии. Там заявлено о том, что мир должен перейти к новому международному порядку, основанному на исключении применения силы, на равноправном сотрудничестве всех при строгом соблюдении прав каждого народа. Вот цель, которую мы перед собой ставим. Цель, конечно, неблизкая, потому что она предполагает изменение и политических, и экономических отношений, демократизацию международной жизни в целом.

Мы говорим о том, что нужно гума-

низировать, очеловечить международные отношения. Более 100 лет назад К. Маркс писал о том, что рабочее движение призвано добиваться того, чтобы моральные и нравственные принципы, которые должны быть присущи отношениям между людьми, регулировали и отношения между странами. И наша партия, наша страна хочет, чтобы именно такие принципы господствовали в мире.

Понятно, что реализация этой программы — далеко не только чисто внешнеполитическая цель. В сфере только внешней политики ее решить нельзя. Такое кардинальное изменение всей сферы международных отношений предполагает, естественно, значительный рост потенциала сил социализма, освобождения, прогресса. И здесь опять мы видим соединение, органическое сплетение социальных, прогрессивно-освободительных и международно-политических задач.

Выше я сказал о двух первых направлениях работы, проведенной после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, — выработка концепции, подхода и выработка политической платформы. Третье ее направление — выработка конкретных предложений по каждому направлению нашей программы деятельности. Сейчас мы можем сказать, что у нашей страны, у Советского Союза, вместе с нашими союзниками — странами социализма — имеется сумма предложений по всем кардинальным вопросам современной международной жизни. Речь идет о предложениях по всем аспектам борьбы за разоружение, за решение политических проблем, прежде всего — политического регулирования региональных конфликтов, за преобразование международных экономических отношений, за сдвиги в сотрудничестве по гуманитарным вопросам.

Чего же добились наша страна, наши союзники за истекшее после апрельского Пленума время?

Конечно, коренного переворота в ходе событий на международной арене добиться нам пока не удалось. Гонка вооружений продолжается. Безопасность отнюдь не возросла. Наоборот, развиваются и новые опасности, начиная с космических планов США. Однако это не значит, что ничего в мире не изменилось. Изменилось много.

Во-первых, достигнуты первые реальные сдвиги на пути к сокращению количества ядерного оружия. Подписание в Вашингтоне в ходе визита в США М. С. Горбачева договора об уничтожении американских и советских ракет средней и меньшей дальности стало историческим событием, на деле подтвердившим: ядерное разоружение и безъядерный мир — не утопия, а реальная возможность.

Во-вторых, два-три года назад конфронтационный характер отношений между странами Востока и Запада преобладал. Сейчас преобладает диалог. 8

Инициатива везде находится в наших руках.

В-третьих, чрезвычайно существенное значение имеет то, что за последние годы происходит серьезный сдвиг в настроениях общественного мнения. Выросло и углубилось понимание людьми существующих опасностей и необходимости их снятия. Это касается всех стран — и стран социализма, и стран развитого капитализма, и освободившихся стран. Причем этот сдвиг виден, осязаем на ощупь.

Почему он произошел? Разумеется, в результате действий внешней политики социализма. Но не только. Этот сдвиг произошел и в результате огромной разъяснительной работы, которую вели врачи и физики, математики и философы. Движение ученых, в широком смысле слова, деятелей культуры, в еще более широком смысле слова, сыграло здесь огромную роль.

Невозможно приуменьшать также и роль антивоенного движения, движений солидарности разного рода, которые все — каждое по-своему — внесли свой вклад в изменение общественных настроений. Причем одно из наиболее важных последствий этого изменения состоит в том, что сейчас начинает отступать тот миф, на основе которого годами базировалась западная политика: миф об «угрозе с Востока», о «советской военной угрозе».

Еще недавно в капиталистических странах Европы опросы общественного мнения показывали, что большинство граждан считают: США делают для дела мира больше, чем Советский Союз. Сейчас, впервые за всю послевоенную историю, мнение изменилось. Либо считают, что обе страны сделали одинаковый вклад в дело мира, либо — и такое мнение распространяется все шире, — что вклад СССР больше, чем США. Это очень приятно для нас, конечно. Но дело тут не в наших чувствах. Главное в том, что это — объективный показатель перемен в общественных настроениях. Объективное свидетельство того, что мифы, на которых строилась политика агрессии, подточены.

Все это позволяет сделать важный вывод: длительный, сложный, трудный процесс перестройки международных отношений начался. Он находится еще в самом начале. Он займет наверняка немалое время. Но он становится реальностью. Это должно внушать нам оптимизм, но одновременно это должно говорить нам всем без исключения и о нашей огромной ответственности.

Все, что сделано, не пришло само. Изменения, которые происходят — результат нашей перестройки. Результат действий сил, выступающих с позиций мира и прогресса. И продвижение вперед может быть только результатом действий тех же самых и новых сил. Причем эти действия должны быть более активными, чем вчера, и они должны быть более скоординированными, пусть неформально, чем сегодня.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР

ЗА РУБЕЖОМ

ПОЕЗД

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Марк Руз прилетел в Москву за пять дней до прибытия поезда. Он остановился в «Орленке» — том самом отеле, где скоро предстояло поселиться тремстам бельгийцам, — и целыми днями вел переговоры, обговаривал с людьми из Бюро международного молодежного туризма «Спутник» и Комитета молодежных организаций СССР детали программы. Давящая жара сменялась вдруг теплым вялым дождем. В такую погоду трудно дышать. Но к вечеру, к концу дня, Руз, сменив рубашку, был так же бодр, как вначале. Голубой хрустящей свежестью веяло от него: интенсивно-синяя рубашка, небесного цвета джинсы, прохладные и прозрачные глаза под модной, как-то по-особенному взбитой челкой...

Мы сели в кресла напротив друг друга. Он слушал вопросы, серьезно кивая, но не всегда точно отвечал на них. Так говорят люди, знающие, что они хотят

сказать, и говорящие это независимо от того, о чем их спрашивают. У него было свое представление о том, как политик дает интервью. Все мои вопросы, противоречащие этому представлению (о нем самом, о его семье и т. п.), он молча отвергал, отвергал одним выражением глаз, которые вдруг приобретали строго-недоуменное выражение. И, как бы я ни пытался заглянуть за его энергично-бодрую, профессиональную маску, как бы я ни пытался обогнуть стену и посмотреть, а что же за ней, — все мои попытки кончались неудачей. Но при этом он был столь улыбка и словоохотлив, что эта жесткость как бы исчезала, долго не помнилась. Я думаю, он, профессиональный политик из молодежной организации социалистической партии Бельгии, выпускник факультета, готовящего менеджеров для общественных организаций, соглашаясь дать интервью, заранее знал, как его

построит, с чего начнет, о чем станет говорить и чем кончит. Это была его работа. Этому его учили.

Он начал так: «Я хотел бы прежде всего сообщить вам некоторую информацию о поезде Брюссель — Москва — Пекин. В этом поезде едет триста двадцать один молодой бельгонец. Среди них есть представители социалистической, либеральной, христианской, коммунистической молодежных организаций, а также беспартийная молодежь. Но в составе поезда они представляют не самих себя и не свои организации, а всю Бельгию. Длина поезда — 500 метров. Поезд проедет 11 651 километр — это самый длинный железнодорожный маршрут в мире. Мы проведем в поезде более 12 тысяч минут. В Бельгию из Пекина мы вернемся на самолете китайской авиакомпании — это будет первое приземление китайского самолета в Брюсселе...»

Кто придумал поезд? Его придумал Ксавье Орнарт, возглавляющий координационный совет, в который входят представители всех молодежных организаций Бельгии. Идея Орнарта состояла в том, чтобы создать «Бельгию на колесах» — поезд, пассажирами которого станут молодые люди разных профессий и убеждений, жители городов и деревень, инженеры и цирковые артисты, студенты и фермеры, безработные и спортсмены — все. И каждый из них возьмет с собой в путь что-то такое истинно бельгийское, чем он гордится и что, по его мнению, составляет славу Бельгии. Это «что-то» может быть чем угодно, лишь бы оно помещалось в поезд. И вот эти молодые люди, каждый из которых станет как бы добровольным рекламным агентом своей страны, поедут в поезде по просторам Советского Союза и Китая... Вот в чем состояла идея Орнарта.

Это была хорошая, красивая идея. Единственный ее недостаток состоял в том, что она как бы повисла в воздухе. Кто осуществит все это? Кто взвалит на себя огромный труд организации? Кто (где и как) достанет деньги на поездку, кто сумеет договориться с железнодорожным ведомством, чтоб дало вагоны, кто поведет переговоры с посольствами СССР и Китая, кто (как) отберет молодых людей? Между идеей поезда и самим поездом лежала целая гора хлопот, и вопрос был в том, кто же своротит эту гору? В административном порядке Орнарт не мог никому это поручить. Ни его совет, ни КРИШ (молодежное «министерство иностранных дел Бельгии», куда входят представители всех молодежных организаций страны) не имели в штате столько людей, чтобы освободить их на год от текущей работы и поручить им поезд. Государственные ведомства, вполне одобряя замысел, вовсе не рвались взвалить на себя дополнительную работу и организовать путешествие для молодежи... Но кто же тогда? Кто возьмется?

Пусть поезд создают те, кто хочет в нем ехать, — вот было решение. Не взрослые дяди и тети из министерств и ведомств для молодежи, а она сама для самой себя. И Марк Руз был одним из тех, кто с самого начала был готов отдать свой труд и свое время для того, чтобы поезд стал реальностью. Его постоянное место работы — молодежная организация социалистической партии, постоянное поле деятельности — то, что он называет «защитой прав молодежи». «Одна из главных проблем для молодого человека в Бельгии — безработица, — сказал он. — Существует теория, по которой размер прибыли, получаемой фирмой, и количество рабочих мест взаимосвязаны. Но в жизни часто не так. Получая прибыль, пред-

приниматели вовсе не обязательно расширяют производство... Мы пытаемся убедить их делать это...» О своей работе он говорил спокойно и ровно, без враждебности к предпринимателям и без патетики. Он был «молодежный чиновник» — но чиновник цивилизованный, преданный делу, образованный и твердый. «Мы ведем с фирмами переговоры, пытаюсь добиться, чтобы они создавали новые рабочие места для молодежи. Или даже целые предприятия. Одно такое нам удалось создать в городе Сент-Од, для молодых людей, выходящих из заключения. Таким особенно трудно найти работу...» И никто его от прямых и ежедневных обязанностей не освобождал. «Все, что мы делали для поезда, мы делали по вечерам, по уик-эндам. Бесплатно». «Мы» — этим словом Марк Руз называл группу энтузиастов, которая летом 1986 года образовала Комитет по организации поезда Брюссель — Москва — Пекин. Этот комитет обладал всеми правами юридического лица и мог вести хозяйственную и рекламную деятельность при одном условии: деятельность не должна приносить прибыль.

Но что же заставило его, лично его, Марка Руз, целый год работать бесплатно по вечерам и субботам? Какая пружинка была скрыта в этом человеке, какая страсть двигала им? Честолюбие? При слове «честолюбие» глаза его опять сделались какими-то напряженными. Вопрос ему не понравился. «Мы хотим убрать все предубеждения между советской и бельгийской молодежью, — сказал он. — Мы хотим, чтобы люди стали ближе друг другу. Эта идея для меня очень важна. И я готов работать на нее».

Как отобрать людей для поездки? «Отбор происходил демократическим путем, — сказал Марк Руз. — В газетах и журналах мы напечатали объявление (одно из них воспроизведено над заголовком. — Прим. авт.): «Любой, желающий стать пассажиром поезда Брюссель — Москва — Пекин, может принять участие в конкурсе идей и проектов. Единственное ограничение — возраст: от шестнадцати до двадцати пяти лет. Проекты и идеи могут касаться всего интересного и хорошего, что есть в Бельгии. Форма подачи — письменная. Возможно приложение кассеты с видеоматериалами». На инициативу сразу же обратили внимание средства массовой информации, политики, публика. Потому что предполагаемый конкурс должен был стать (и это поняли все) проверкой творческой силы и социальной активности бельгийской молодежи. Захочет ли она вообще участвовать в конкурсе? Есть ли в жизни молодых вещи, которыми они действительно гордятся, о которых они — не по указке

Говесный

учителя, не по воле взрослых, а самостоятельно и добровольно — хотели бы рассказать своим сверстникам в СССР и Китае? Объявление о конкурсе стало чем-то вроде зеркала, которое оргкомитет поставил перед лицом общества: сейчас вы увидите, что представляет из себя наша молодежь, сейчас все увидим, что представляет из себя наша страна, как ощущают ее молодые люди...

«Мы получили 3100 заявок на участие в поезде. — Говоря о поезде, Марк Руз увлекался, и сами собой включались в разговор его руки, до того покойно лежавшие ладонями вниз на коленях. — Мы были поражены! — Он сделал взмах руками, как будто подбрасывал вверх большой мяч. — Конечно, среди заявок были и глупые письма: «Я не был в Москве и Пекине, а хочу побывать. Включите меня в участники!» Такие заявки мы отсеивали сразу и не допускали на конкурс... На конкурс допускались только те, у кого хорошо работает голова. Люди без идей, с ватными мозгами — балласт в любом деле. Но таких было меньшинство. К сожалению, мы не могли создать десятки поездов! Только один! Поэтому для отбора лучших идей мы создали двенадцать комиссий (по отраслям знаний), которые состояли из молодых людей, не имеющих никакого отношения к организации путешествия. Лишь одна комиссия состояла из взрослых — эта комиссия должна была оценивать экономические и технологические проекты, и в нее вошли специалисты из министерства Валлонии...» Комиссии на глазах у всей страны — перед камерами телевидения, перед микрофонами радио — отбирали те проекты, в которых с наибольшей силой и отчетливостью отражалась страна Бельгия — маленькая страна, не имеющая большого веса в мировых делах, не привлекающая всеобщего ежедневного внимания, не часто появляющаяся в заголовках новостей и на авансцене истории — но страна со своим характером и своим голосом в мировом хоре, страна, имеющая чем гордиться и уверенная в своем праве уважать себя.

Что мы знаем действительно о Бельгии? Мы — это не специалисты-историки, экономисты и дипломаты, а читатели ежедневных газет, ежевечерние зрители программы «Время», студенты и рабочие, рокеры и брейкеры, ученики школ и ПТУ? Ну, представляем, где Бельгия на карте (рядом с Голландией, а в Голландии тюльпаны... и футболист Круиф), знаем, что живут там фламандцы и валлоны, столица Брюссель... что еще? В случае особой нужды заглянем в справочник и узнаем не без легкого удивления (надо же! Маленькая, а сильная), что Бельгия «располагает самой

густой в мире сетью железных дорог», что «Антверпенский порт по грузообороту занимает 4-е место в мире» и что на долю Бельгии приходится 3,7 процента мирового внешнеторгового оборота (восьмое место в мире по вывозу промышленной продукции)... А задумавшись о национальном характере, выражающемся, как известно, и в большом, и в малом — вспомним, быть может, бельгийскую армию 1914 года и бельгийскую футбольную сборную 1986-го. Армия в самом начале первой мировой войны одиннадцать дней удерживала форты Льежа против атрое превосходящих немцев и, принеся себя в жертву, сорвала «блицкриг» и дала французам время развернуться — пример стойкости и упорства, бывший на уме у всех до самой второй мировой войны, которая дала новые примеры... Трудлюбие и волю показали в Мексике и футболисты — кудрявый Пфафф, бородатый Геретс и длинноногий Кулеманс были, может быть, и не сильнее других, но не желали признавать себя проигравшими, как бы плохо ни шли дела, и в итоге пропахали себе славную дорогу в четверку лучших...

Но деньги! Где же было взять деньги на поездку? «Да, с деньгами были проблемы, — сказал Марк Руз. — Мы старались сделать так, чтобы стоимость поездки была как можно ниже. Мы должны были найти спонсоров, то есть фирмы, которые захотят субсидировать нас». Всеобщий интерес публики к идее поезда, интерес, все время подогревавшийся газетными и телерепортажами о конкурсе проектов и идей, — этот интерес привлек к делу всевозможные компании и фирмы. «Они были заинтересованы, чтобы их названия звучали каждый раз, когда заходит разговор о поезде. Еще один способ заработать — это концерты, весь сбор от которых шел в фонд поезда. С десятков рок-групп подали заявки на участие, часть суммы внесло государство»...

Тогда же, одновременно с конкурсом идей, оргкомитет занимался сочинением того, что впоследствии составило восьмидесятистраничную книжечку в яркой желтой обложке. Книжечку вручили каждому участнику поезда. «Поезд — это великая авантюра! — смеясь, сказал Марк Руз. — Рассадить триста молодых людей по вагонам, в каждом из которых только два туалета — это уже адский труд...» Никаких предварительных лекций о Советском Союзе и Китае молодым людям не читали, и никаких данных об их нравственном облике у родителей, учителей или начальства не запрашивали. Кто бы ты ни был — двоечник, хулиган, панк, правонарушитель, уже имевший дело с полицией, — все равно ты часть Бельгии, и все равно ты имеешь право представ-

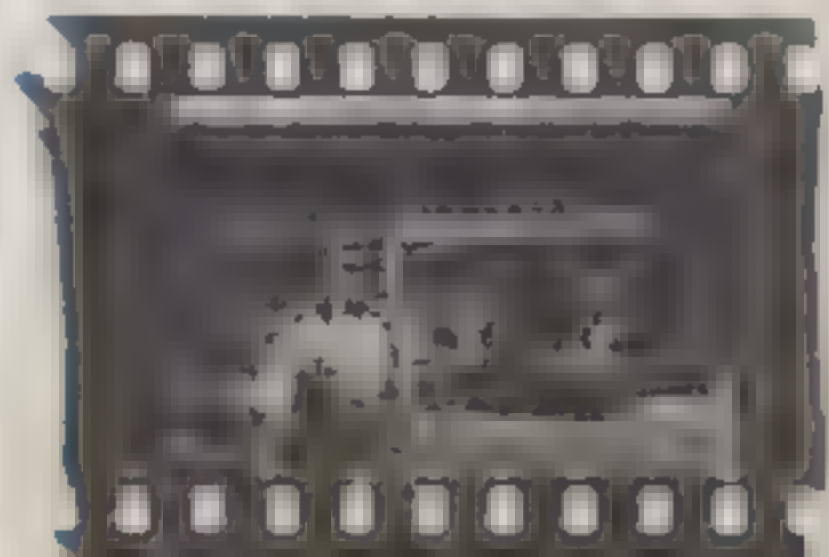
лять ее, если только у тебя есть энтузиазм и идея. Но это положение, при всех его плюсах, таило и некоторую опасность. Поезд, собранный таким образом, из незнакомых друг с другом, съехавшихся из разных концов страны подростков и молодых людей, вполне мог превратиться в неуправляемую, саму себя возбуждающую толпу, которая одуревает от свободы и приключений и наворачивает таких дел, что всей Бельгии будет стыдно. «Мы должны были все предусмотреть. Это была очень большая ответственность». В университете Марк Руз изучал психологию и социологию, у него был практический опыт работы с молодежью — и он знал, что всем громким словам о том, что «вы обязаны», «на вас возложен почетный долг» представлять страну и т. д., следует предпочесть конкретные, простые и чуточку забавные советы, которые, именно из-за своей забавности, лучше впечатляются в память какого-нибудь восемнадцатилетнего капитана Кука, отправляющегося в первое свое путешествие.

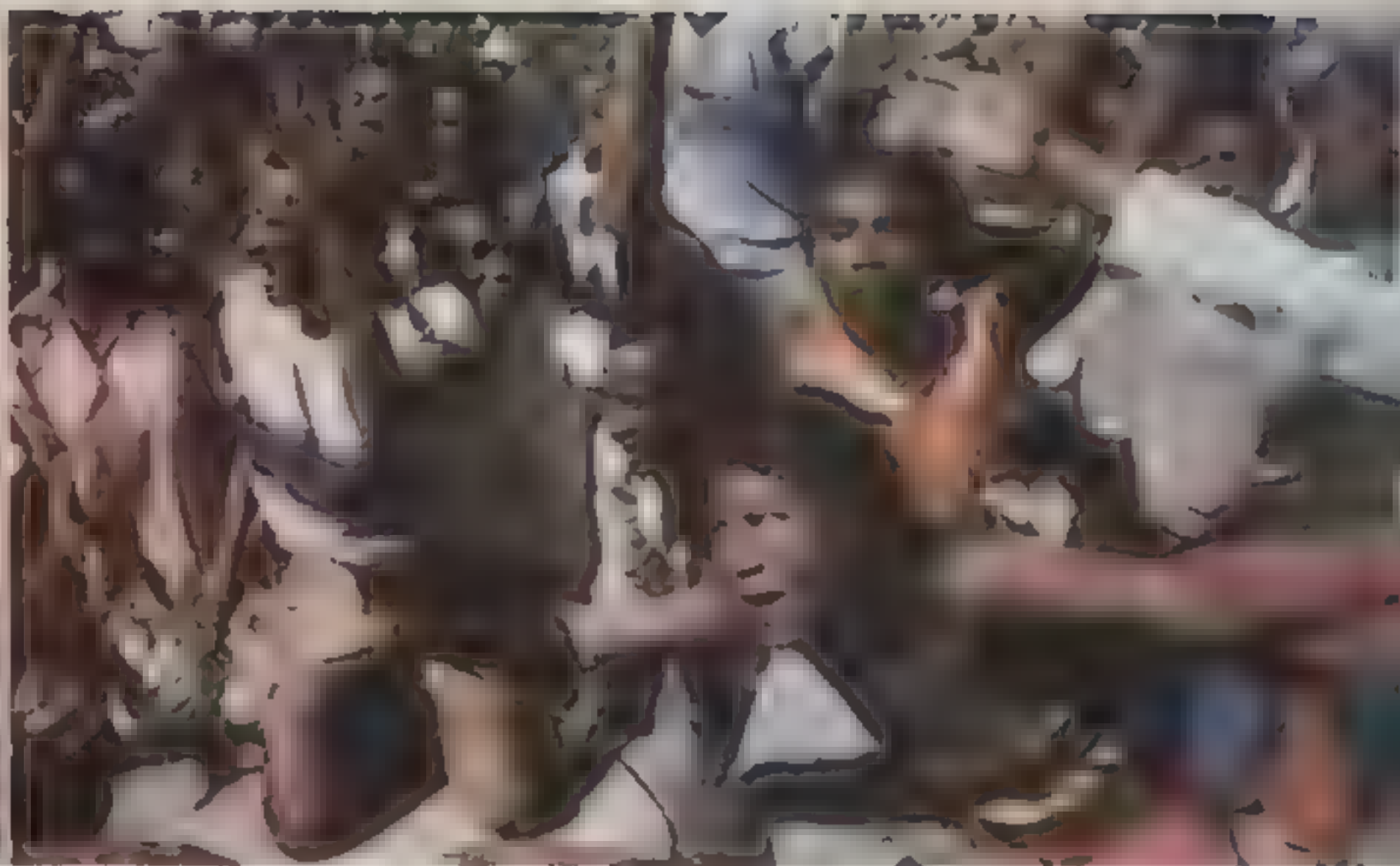
«На границе соглашаться на досмотр с видом серьезным и дипломатическим, — гласил первый совет. — Единственная рекомендация: спокойствие и терпение».

«Отель «Орленок» располагает многими услугами. Но это не люкс. Комфорт вполне достаточен для участников великой авантюры».

«Если официант обслуживает вас не очень хорошо, вы можете вежливо сделать ему замечание от имени перестройки».

на стр. 15 ►

Мишель Дювалье: Люди рассказывают про меня всякие гадости. Пусть говорят. Я сама знаю, что я из себя представляю, что я в жизни совершала и кем была.

Жан-Клод Дювалье: Я считаю, что бы там ни говорили, но я делал все возможное, чтобы улучшить положение моего народа. Я не чувствую за собой абсолютно никакой вины, мне не в чем себя упрекать.

Барбара Уолтерс: В ноябре 1985 года, когда нехватка продуктов питания в стране вызвала волну забастовок, мадам Дювалье в компании друзей отправилась в Париж за покупками, израсходовав, как считают, миллион долларов на свои туалеты. Кое-кто полагает, что этот ставший известным факт переполнил чашу терпения. Впрочем, настоящий взрыв недовольства в стране произошел позже, в феврале 1986 года. В те дни, демонстрируя, что династия Дювалье по-прежнему олицетворяет порядок и власть, супруги выезжали на автомобильных прогулках по столице. 7 февраля «пожизненный президент» Гаити Жан-Клод Дювалье и небрежно покуривавшая на переднем сиденье его супруга бежали из своей страны...

Что они рассчитывают делать теперь? Она — хотела бы проявить себя в искусстве. Он — считает, что мог бы заняться юриспруденцией, несмотря на то, что у него нет никакого диплома. Оба они знают, что о них теперь говорят. И то, что он слаб и нерешителен, и что всем заправляет она, и решения за него принимает «дама-дракон». Как вы думаете, господин... я понимаю, что задаю невежливый вопрос, но как вы полагаете, почему вы производите впечатление человека слабого и не очень... не очень умного?

Жан-Клод Дювалье: Так вот... я принимаю ваши извинения, понимаю, что вы задаете этот вопрос потому, что подобное мнение обо мне существует. На мой взгляд, оно ничуть не верно, его распространяют определенные силы, которые хотят дискредитировать

Барбару Уолтерс в США знает, пожалуй, каждый, да и за пределами этой страны, в мире буржуазной тележурналистики, ее имя хорошо известно, а ее профессиональный престиж политического комментатора исключительно

«Ровесники» решил предоставить своим читателям возможность самим познакомиться, как мастерски Барбара Уолтерс выполняет свою работу, беря интервью у беглого гаитянского «пожизненного президента» Жан-Клода Дювалье и его супруги Мишель, которые терроризировали и грабили народ Гаити.

Барбара Уолтерс сумела, как говорится, донести раздуть убогого, недалекого и кровожадного диктатора, извлечь максимальный сатирический эффект из того факта, что он находится под наблюдением у своей алчной супруги.

Но странное дело: десятки лет продолжалось мучительство целой страны семейством Дювалье под покровительством США, а в интервью ни словом не упоминается об этом обстоятельстве. Не упоминается и о том, что чета Дювалье оказалась в изгнании и «пропала» на роскошной вилле во Франции по приказу из Вашингтона, решившего заменить одну марionетку другой — ныне правящей на Гаити хунтой во главе с генералом Анри Намфи.

ВСЯ ПРАВДА О ДЮВАЛЬЕ

мою супругу. В действительности же я возглавлял государство с 1971 года и был единственным человеком, который принимал в случае необходимости какие-либо решения.

Барбара Уолтерс: Вашу супругу начали критиковать уже давно. Ваша свадебная церемония, каких Гаити еще не видела, обошлась в три миллиона долларов. Платье от знаменитого портного Гивенчи, парикмахер, специально прилетевший из Парижа, сотни тысяч долларов на фейерверк: экстравагантность в стране, повергнутой в нищету.

Мишель Дювалье: Это была свадьба президента страны, и люди, как бы вам сказать, хотели, чтоб она была запоминающимся событием. Что же касается парикмахера из Парижа, то это был подарок одного из друзей. Платье от Гивенчи. Да, почему бы нет!

Барбара Уолтерс: В ноябре 1985 года, в то время как страна находилась

на грани банкротства, в казне не было денег даже на приобретение бензина для автомашин, вы отправились в Париж за покупками в сопровождении, если не ошибаюсь, 12 человек. Только билеты на самолет стоили вам 85 тысяч долларов. Что вы скажете о такого рода расходах?

Мишель Дювалье: Если люди знают, что я куда-то ездила, это еще не значит, что они знают, зачем я туда еду, с кем я там встречаюсь. Нередко по просьбе президента я встречалась с политическими деятелями, промышленниками, чтобы добиться денежных вкладов в экономику Гаити. Но я не обязана отчитываться за каждый свой шаг.

Барбара Уолтерс: А вы...

Мишель Дювалье: Что же касается почти тридцати человек, которые ездили со мной в Париж, то это, как обычно, моя мать, сестра, ее подруга, офицеры охраны. И все.

Барбара Уолтерс: А покупки туалетов и драгоценностей на миллион долларов?

Мишель Дювалье: Зачем мне было делать какие-то покупки в Париже, если я, если бы хотела и если бы... этого хотел мой муж, могла бы пригласить и портных и ювелира на Гаити?

Барбара Уолтерс: И вы их приглашали на Гаити?

Мишель Дювалье: Пару раз, да.

Барбара Уолтерс: Не считаете ли вы, что...

Мишель Дювалье: Говорят, что у меня была коллекция мехов. Но какой смысл в мехах на Гаити, где тропический климат? Естественно, у меня есть, как у всякой женщины, два манто, меховых манто. Одно из них у меня было еще до того, как я вышла замуж за президента, и почему бы моему мужу было не подарить мне еще одно манто, когда... когда я стала «первой дамой»? Почему никто не говорит о том, что я финансировала также «Фонд Мишель Дювалье», который построил шесть школ, куда ходили почти 3500 детей? У нас было три больницы и несколько бесплатных столовых.

Барбара Уолтерс: Вы не думаете, что люди говорят об этом: «Все их фонды — только фасад, чтобы скрыть безобразия, которые они творили»?

Мишель Дювалье: Если иностранной прессе угодно закрывать глаза и не замечать все то, что я сделала для Гаити, то гаитяне знают и будут помнить об этом всегда, потому что все мои центры по работе с детьми функционируют до сих пор. В прессе никогда не упоминали, что я оставила в банке четыре миллиона долларов на содержание этих заведений.

Барбара Уолтерс: Как-то вы рассказывали, что вы на улице раздавали деньги людям. Что это были за люди?

Мишель Дювалье: Народ, массы. Очень многие нам писали письма с просьбой о помощи, и, вы знаете, мне становится смешно, когда я слышу, будто гаитяне не умеют читать и писать. Кстати, я отвечала на каждое письмо.

Барбара Уолтерс: Но ведь на Гаити нуждаются все. Как вы выбирали, кому помочь деньгами?

Мишель Дювалье: Иногда из тех самых писем было ясно, что нужно делать. Чувствуешь, что стоит за каждой строкой. У меня интуиция.

Барбара Уолтерс: Я смотрю, у вас брильянтовые серьги. Красивые брильянты. Вы знаете, что об этих брильянтах говорят: «У нее есть все, а ее народ умирает с голода».

Мишель Дювалье: Послушайте, миссис Уолтерс, для этого интервью я могла бы их снять. Мне подарил их муж, мне они очень нравятся, и я буду их носить, что бы там ни было.

Барбара Уолтерс: Я могу вам задать еще один вопрос? Ваш муж получал 24 тысячи долларов в год жалованья, да?

Мишель Дювалье: Да.

Барбара Уолтерс: Тогда откуда деньги на брильянты, наряды и прочее?

Мишель Дювалье: Объясняется это тем, что у меня тоже есть свой капитал... После смерти отца у меня были кое-какие средства, и я сумела их удачно поместить в оборот. Так что я имела довольно солидный доход. И кроме того, я получала доход от перевода своих средств в твердую валюту.

Барбара Уолтерс (обращаясь к Жан-Клоду Дювалье): Вернемся немного назад. Вы стали президентом в 19 лет, то есть очень и очень молодым. Вы помните, что вы испытывали тогда?

Ж.-К. Дювалье: Помню, отец позвал меня к себе и сказал: «Послушай, я очень устал и болен, значит, настал момент, чтобы я сообщил тебе, что выбрал тебя в качестве моего преемника». Естественно, это было для меня неожиданностью, но я полностью освоилась на его плечи после его смерти. В тот день я плакал, как ребенок.

Барбара Уолтерс: Вы никогда не думали, что стали президентом случайно, только потому, что родились в семье Дювалье, и что, может быть, это не совсем нормально?

Ж.-К. Дювалье: Я думаю, что единственной причиной такого выбора моего отца было его стремление избежать в ту пору гражданской войны.

Барбара Уолтерс: «Тонтон-макуты» были полицейской организацией, осуществлявшей убийства по приказу. Какова была их роль в правительстве?

Ж.-К. Дювалье: Позвольте мне кое-что пояснить по этому вопросу. «Тонтон-макуты» появились в 1958 году. Это была группа сторонников моего отца, которые проявили желание защищать его дворец от нападений. Потом число добровольцев выросло... Действительно, они, бывали случаи, злоупотребляли властью. Но в течение всего моего... моего правления, каждый раз, когда я узнавал о таких случаях, я лично принимал меры, чтобы попожить им конец.

Барбара Уолтерс: Эти полицейские не использовали данную им власть в корыстных целях? Они никого не пытали, не убивали?

Ж.-К. Дювалье: Думаю, вряд ли можно вообще обойтись без переხлестов, но, мне кажется, в значительной мере нам все же удалось заставить людей повиноваться закону и порядку.

Барбара Уолтерс: Почему же тогда гаитяне после вашего бегства из страны вымещали свой гнев на «тонтон-макутах», жгли их дома и учиняли над ними расправы?

Ж.-К. Дювалье: Полагаю, что в большинстве случаев это была личная месть. Вы, наверное, понимаете, что у главы государства, долгое время находившегося у власти, должны быть противни-

Барбара Уолтерс: Есть мнение, что вы могли остаться в стране и попытаться подавить восстание.

Ж.-К. Дювалье: Да, верно. Это было возможно, но я предпочел уйти со сцены, потому что я не хотел прибегать к насилию, стремление избежать на-

силию, как я только что сказал, всегда было характерно для моего правления.

Барбара Уолтерс: А если бы вы остались, много бы людей погибло?

Ж.-К. Дювалье: Конечно... А я не хотел, чтобы потом кто-нибудь сказал, будто все это исходило от главы правительства.

Барбара Уолтерс: Считаете ли вы, что Соединенные Штаты виновны в том, что произошло на Гаити?

Ж.-К. Дювалье: Я... я не понимаю, и чему тут употреблять это слово: «виновны».

Барбара Уолтерс: Соединенные Штаты ничего вам не обещали?

Ж.-К. Дювалье: Ничего. Я только попросил посла Соединенных Штатов предоставить мне самолет, и все.

Барбара Уолтерс: Чтобы прилететь во Францию?

Ж.-К. Дювалье: Да, сюда.

Барбара Уолтерс: Вас обвиняют в расхищении казны.

Ж.-К. Дювалье: Я считаю, что те, кто распространяет такого рода слухи, занимаются попросту клеветой. Вы должны знать, что любой глава государства на Гаити всегда имел в своем распоряжении определенные средства для проведения своей политики.

Барбара Уолтерс: Иными словами, вы имели право, как глава государства, брать из казны деньги и тратить их так, как вы считаете разумным или необходимым?

Ж.-К. Дювалье: Что значит брать? В бюджете предполагались соответствующие кредиты.

Барбара Уолтерс: Определенные суммы?

Ж.-К. Дювалье: Да.

Барбара Уолтерс: И есть отчеты, документы, которые вы можете предъявить?

Ж.-К. Дювалье: На большинство сумм — да. Но были случаи, когда расходы осуществлялись незначительными суммами и их невозможно было занести в учетные ведомости.

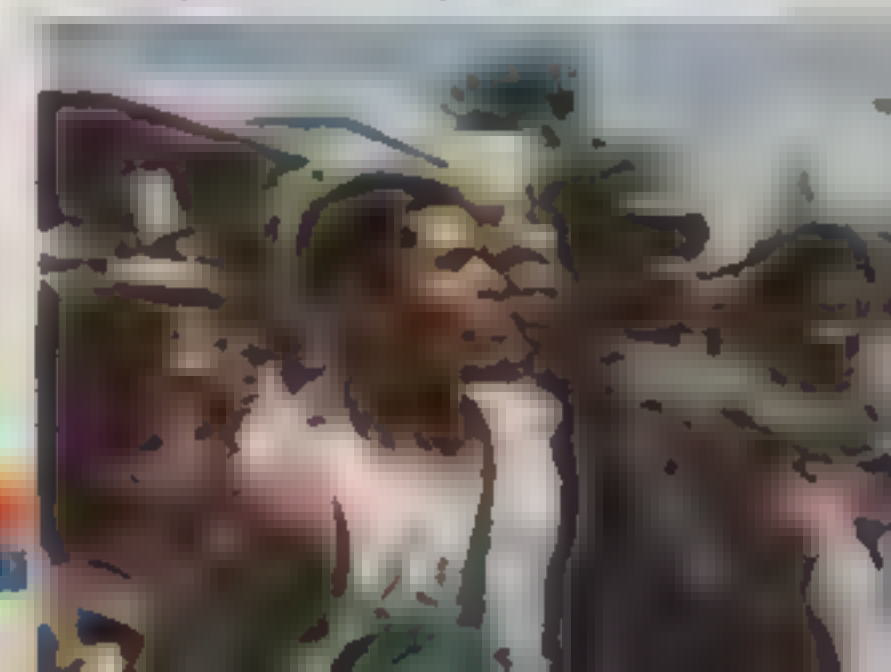
Барбара Уолтерс: Я не ошибаюсь, часть этих сумм шла на проведение избирательных кампаний кандидатов в президенты США?

Ж.-К. Дювалье: Те суммы, о которых идет речь, как раз и предназначались на проведение избирательных кампаний. Но это не касается американских политических деятелей.

Барбара Уолтерс: А в других странах, может быть, в Центральной или Латинской Америке?

Ж.-К. Дювалье: Может быть...

Барбара Уолтерс: Мадам, говорят, что у вас есть дома практически в каждой стране. Это правда?

Мишель Дювалье: Я была очень удивлена, узнав, что у меня есть недвижимость в Калифорнии, в Нью-Йорке, в Париже, в Монако... и так далее. Я бы очень хотела, чтобы у меня они действительно были. На самом деле у нас всего один дом — в Париже, и его нынешнее правительство Гаити пытается конфисковать. Я буду бороться за этот дом, потому что он — все, что у меня осталось для моих детей, ведь все наше состояние мы потеряли на Гаити. Мы оставили там принадлежавшие нам дома, имущество.

Барбара Уолтерс: Нынешнее правительство Гаити через известных адвокатов с Уолл-стрит пытается, я цитирую, «вернуть на Гаити миллионы долларов, похищенные режимом Дювалье».

Одним из вещественных доказательств обвинения является письмо президента обложить налогом в 93 цента каждый мешок муки; полученные суммы при этом должны отчисляться семье Дювалье: матери и супруге президента. И это в стране, где недоедание — основная причина высокой смертности.

Ж.-К. Дювалье: Эти деньги представляют часть фонда, выделенного в распоряжение главы правительства. В данном случае — они шли на благотворительные цели.

Барбара Уолтерс: То есть, как вы говорите, хлеб был обложен налогом с тем, чтобы ваша супруга, мать и вы сами, получив от налога деньги, использовали их на благотворительные, как вы их понимаете, цели?

Мишель Дювалье: Да... чтобы помогать людям, которые в помощи нуждались.

Барбара Уолтерс: Люди умирали от голода, и тем не менее вы обкладываете хлеб налогом, почти доллар с мешка?

Ж.-К. Дювалье: Вы же знаете, что государству нужны средства для осуществления своих целей, какими бы они ни были. Гаити всегда жила за счет

налогов, в большей степени, чем за счет иностранной помощи.

Барбара Уолтерс: Мадам, вы не раз пользовались средствами из бюджета Министерства национальной обороны. Часть денег в него поступала из Соединенных Штатов. В свое время вы говорили, что вы не имели никаких дел с военным ведомством. Но у нас есть несколько банковских квитанций, выписанных на ваше имя, заверенных вашим мужем, указывающих, что почти миллион долларов из военного бюджета был передан лично в ваши руки.

Мишель Дювалье (после паузы): Когда президент принимал официальных гостей, устройством приемов занималась я. Приемы требовали расходов. Когда на Гаити приезжал папа римский, католическая церковь не израсходовала ни одного доллара. Пришлось взять все расходы на себя.

Барбара Уолтерс: Вот эти банковские ведомости... Если все сложить, получается почти миллион.

Мишель Дювалье: Я... не подсчитывала, сколько там получается, но эти деньги использовались не только на приемы почетных гостей. К примеру, одна дама написала мне письмо: «Мне нужно отвезти своего смертельно больного ребенка в Соединенные Штаты. Мне необходимы деньги на поездку».

Барбара Уолтерс: Но разве эта помощь должна была оплачиваться из средств министерства обороны?

Мишель Дювалье: Да.

Барбара Уолтерс: Почему?

Мишель Дювалье: Не знаю.

Барбара Уолтерс: Мадам, кто такой Жан Самбур?

Мишель Дювалье: Художник, украсивший нашу квартиру в президентском дворце. Он один из наших хороших друзей.

Барбара Уолтерс: Есть документы из Национального банка Гаити, подтверждающие, что из государственных средств Жану Самбур было выплачено свыше четырех миллионов долларов.

Мишель Дювалье: Жан Самбур в том числе выполнял официальные заказы. Он украшал аэропорт к приезду папы римского.

Барбара Уолтерс: И эти деньги тоже были из бюджета министерства обороны?

Мишель Дювалье: Не из моего же кошелька, если они расходовались не на мои личные нужды.

Барбара Уолтерс: Но бюджет министерства обороны, как можно подумать, предназначается для того, чтобы оборонять страну, а не украшать аэропорты и дома. И потом четыре миллиона долларов — не слишком ли много?

Мишель Дювалье: Да, мне тоже показалось, что счета несколько завыше-

Барбара Уолтерс: У нас есть также счета от фирм «Спитцер» и «Фурмени», крупнейших ювелиров Карибского бассейна. Речь идет о различных чеках на сумму порядка трехсот тысяч американских долларов в уплату за покупку многочисленных часов, браслетов, колец...

Мишель Дювалье: Вероятно, они датируются предновогодними днями!

Барбара Уолтерс: Но не удивительно ли, если знать, как беден народ Гаити, тратить 300 тысяч долларов на новогодние подарки?

Мишель Дювалье: Да, миссис Уолтерс, сумма может показаться значительной, но не в сравнении с тем, что мы сделали для нашего народа... Почему... Разве не заметно, сколько всего мы сделали для народа!

Барбара Уолтерс: А кому предназначались те подарки?

Мишель Дювалье: Другим, родителям, людям, которые приглашали нас к себе, которых надо было отблагодарить. Знаете, в правительстве у людей свои взаимоотношения. Это не придумала, такие обычаи в стране.

Барбара Уолтерс: Когда вы говорите «обычаи» Гаити, можно под этим понимать взятки, коррупцию?

Супруги Дювалье: Нет!..

Барбара Уолтерс: Хотелось бы вам обоим что-нибудь изменить в том, что вы сделали?

Мишель Дювалье: Пусть на этот вопрос ответит мой муж.

Ж.-К. Дювалье: Единственное, что я могу сказать, так это то, что я сожалею о том, что мы не вели более внимательно отчетность по всем нашим расходам, в противном случае у нас бы не было сейчас всех этих неприятностей.

Барбара Уолтерс: Мадам, как вы предполагаете, что о вас скажет история?

Мишель Дювалье: Лично я думаю, что история расценит меня так: впервые на Гаити «первая дама» государства, не щадя сил, столько сделала всего для своего народа.

Барбара Уолтерс: А вас, месье, как вас расценит история?

Ж.-К. Дювалье: Это ведомо только ей. Единственно, я надеюсь, что историкам откроется вся правда.

«Не удивляйтесь, если вместо сдачи вам дадут конфету».

«Если проводник говорит вам «Tchai?» — это значит, что вас приглашают выпить чаю ценой несколько копеек стакан».

Но это не все. Был составлен «Устав поезда». Прежде чем отправиться в поездку, каждый участник должен был с уставом ознакомиться и устав признать. «Для того чтобы обеспечить приятную жизнь на земле и на борту поезда, — было сказано в преамбуле этого документа, — для успешного существования поезда вы должны знать следующие правила совместной жизни».

Поезд Брюссель — Москва — Пекин организуется молодыми и для молодых. Тем не менее, с учетом трудностей, связанных с организацией такого проекта, участники соглашаются уважать групповую дисциплину, а также решения и советы руководителей. Участники соглашаются следовать установленной программе, а также режиму... Участники обязуются уважать традиции, культуру и правила поведения народов, с которыми они встретятся».

«Тебя просят соблюдать следующие советы: экономить воду и энергию (закрывать краны, выключать агрегаты, гасить свет), обеспечивать чистоту в купе, пользоваться мусорными бачками. Ничего не бросать в окна».

«Коллективно принимать решение об объявлении купе курящим или нет»

«Уважать сон соседа между часом ночи и семью утра».

«Наконец, целый ряд важных вопросов, по которым оргкомитет поезда будет безжалостен»:

«Наркотики запрещены: везде. Запрет наложен ради вашей безопасности».

«Злоупотребление алкоголем запрещено везде».

«Всякое физическое и моральное насилие запрещено, так же, как кражи и вандализм».

...К лету 1987 года отбор проектов был закончен. «Я о всех них рассказать не могу, — с демонстративной веселой растерянностью пожал плечами, сказал Марк Руэ. — Их слишком много! В конкурсе участвовало 750, отобрано 59 — почти все групповые...» Эти 59 проектов, выдвинутые молодыми людьми, и составляют то, что можно назвать «сегодняшней жизнью в Бельгии». Конечно, это не вся жизнь. Поезд — зеркало бельгийских успехов и достижений, нечто вроде бельгийской молодежной ВДНХ. Тут нет и речи о безработице, наркомании, разорении фермерских хозяйств, инфляции, конфликтах в рамках ЕЭС, членом которого Бельгия является. Но об этом мы и так неплохо знаем. И нет, не потому, что триста двадцать один пассажир поезда хотели бы нас обмануть, а потому, что ими движет понятное человеческое желание показать миру, чем Бельгия красна и чем бельгийцы гордятся. Ими движет понятное желание для продажи пред-

на стр. 18 ►

Рок-энциклопедия Ровесника

В

«BABYS» («Бэбиз»), группа образовалась в 1976 году в Лондоне. В состав вошли: Джон Уэйт, бас, вокал; Уэлли Стокер, гит., вок.; Мэки Корби, вок., клав., гит.; Тони Брок, уд., вок. В 1976 году записана первая пластинка. Музыканты сознательно не использовали элементы царившего тогда хард-рока, точнее, не акцентировали на них внимание, и в результате их музыка приобрела динамику хард-рока без характерной для этого стиля тяжести. В 1977 году Корби покинул группу, и вторую пластинку, «Разбитое сердце», группа записала атроем.

В 1978 году в группу приходят два музыканта — Джонатан Кенни, клав., и Рики Филлипс, бас. В этом составе записывается третий альбом «Головой вперед», который можно считать экспериментальным, поскольку с приходом нового клавишника ведущим инструментом становится синтезатор.

Диск «Английские флаги» вышел в 1980 году, и он явно уступал предыдущим работам. В начале 1981 года Кенни уходит в группу «Джорни», четверою «Б.» записывают малоприятный альбом «На грани» и в конце 1981 года прекращают существование.

BACH, JOHANN SEBASTIAN. Творчество Иоганна Себастьяна Баха (21.III.1685 — 28.VII.1750) оказало огромное влияние на рок-музыку — достаточно вспомнить «Дип перпл», «Генезис», ЭПП, «Иес», «Мэриллони» и многие другие группы, избравшие за основу своей музыки не ритм-энд-блюз, а классическую европейскую сонатную форму. К вершинам полифонии, достигнутым великим немецким композитором, стремятся такие современные мастера, как Роберт Фрипп, Рик Уэикман, Клаус Шульц, Эндрю Латимер. Преемственность его музыкальных идей прослеживается в музыке канадской группы «Раш», американской «Канзас», английских «Джентл джандент», «Прокол харума» и «Барклай Джемс Харвест». Один из шести «Бранденбургских концертов» композитора вдохновил Кита Эмерсона, сотрудничавшего в то время с группой «Нанси», на создание аналогичного цикла. Рок-музыкантами исполнялись и многие произведения Иоганна Себастьяна Баха — так, например, знаменитую Органную токкату ре минор в разное время интерпретировали около 50 рок-групп, включая «Дип перпл», «Лед зеппелин», «Рейнбоу», «Назareth». Органное творчество Баха оказало огромное влияние на таких признанных сегодня клавишников, как Ион Лорд, Дон Эри, Манфред Мэни, Кен Хенсли, Ричард Райт, Мик Олдфилд, Нейл Картер...

Скрипичные концерты Баха стали основой творческого роста практически всех выдающихся гитаристов, работающих в хард-роке: это Ричард Блэкмор, Тони Иомми, Джемс Патрик Пендж, Мэни Чарлтон, Рори Галлахер, Дэвид Гилмор, Джефф Линн, Кен Даунинг, Стив Хаун, Мик Бокс, Пай Хастингс и многие-многие другие. Более того, музыкальные концепции Баха используются не только в хард-роке, но и в хэви-метал-роке.

«BACHMAN-TURNER OVERDRIVE» («Бахмен-Тернер овердрайв»), группа образовалась в 1972 году в Канаде.

Исходный состав: Ренди Бахмен — гит., вок.; Тим Блхмен — гит.; Робби Бахмен — уд.; Фред Тернер — бас, вок.

Ренди Бахмен был одним из основателей группы «Гесс ху» («Угадай, кто»), в которой он играл до 1969 года. В 1970 году записал сольным альбом, «Топор», потом вместе с другим членом «Г. х.» Чедом Олленом и младшим братом Робби организовал группу «Бремена белт», которая записала две пластинки. Затем Оллен ушел, и вместо него появились еще один брат, Тим, и Фред Тернер, и группа стала именоваться «Б.-Т. о.».

«Б.-Т. о.» играли так называемый тяжелый рок-н-ролл.

то есть хард-рок с рок-н-ролльной основой, и этот стиль принес «Б.-Т. о.» международный успех. Наиболее известные пластинки тех лет — «Б.-Т. о.-1», 1973; «Б.-Т. о.-2», 1973; «Не кантовать», 1974; «Привод на четыре колеса» 1975; «Во всеоружии», 1975; «Лучшие вещи «Б.-Т. о.»», 1976.

С 1975 года продюсером группы стал Т. Бахмен, а его место в группе занял Блэр Торнтон. В 1977 году ушел Ренди Бахмен, занявшись сольной деятельностью, и появился Джим Кленч. Без Ренди «Б.-Т. о.» оказались в творческом кризисе, группа выпустила еще три пластинки и в 1979 году распалась. (В 1979 и 1980 годах Р. Бахмен записал два альбома с группой «Железная лошадь».)

В 1984 году «Б.-Т. о.» собрались вновь и записали сорокапятьку, затем вышел альбом. Состав почти не изменился, если не считать, что вместо Робби Бахмена сейчас в группе играет Гарри Петерсон, еще один ветеран «Гесс ху».

«BACKWATER» («Бэкуотер» — «Тихая заводь»), группа образовалась в 1979 году в ФРГ.

Состав: Томас Гушальбауер — гит.; Ахим Шмитов — бас; Манфред Коссмани — уд., вок.

Представитель хард-рока второго поколения, для которого характерны скоростная гитарная импровизация, строгая заданность партий ударных, а также периодическое переключение бас-гитары на роль лидирующей. Английские музыкальные критики назвали такой стиль «хит-роком», то есть ударным роком.

«Б.» долгое время находились в разгаре у известного продюсера и аранжировщика Дитера Диркса (он вывел на международную арену «Аксент» и продюсировал несколько альбомов «Танстед sisters»). Диркс требовал от своих подопечных безукоризненного владения инструментами и полной самоотдачи, и поначалу эти два компонента были в дефиците. Но в 1984 году состоялся дебют, и «Б.» вошли еще одной единицей в океан «металлических» групп.

Пластинки: «Апокалипсис», 1984; «Последняя забастовка», 1986 (двойной альбом).

«BAD COMPANY» («Бэд компани» — «Дурная компания»), группа образовалась в 1973 году в Англии.

Состав: Пол Роджерс — вок.; Мик Ральфс — гит.; Саммон Керк — уд.; Ренмонд «Баз» Баррелл — бас.

Первое выступление «Б. к.» состоялось в марте 1974 года, но уже до этого все члены группы находились в статусе рок-звезд: Роджерс и Керк играли в группе «Фри», Ральфс — в «Мотт эз Хупл», а Баррелл — в «Книг Кримзони». И первая же пластинка — «Бэд компани», 1974 — стала «золотой».

«Б. к.» играли традиционный хард рок, но поскольку на творчество группы большое влияние оказала музыка «Лед зеппелин», то и в композициях «Б. к.» явно прослеживалась блюзовая тенденция. Она заметна в пластинках «Игра по честному», 1975; «Вместе со стаями», 1976; «Пылающее небо», 1977. В 1979 году музыканты ввели синтезаторы и струнные инструменты, и музыка приобрела несколько эстрадный оттенок — диски «Одинокие ангелы», 1979; «Неотшлифованные алмазы», 1982.

В 1983 году «Б. к.» распались, спустя некоторое время Роджерс присоединился к новой группе Джимми Пенджа «Фирма».

В 1986 году «Б. к.» вновь собрались, только вместо Роджерса, который продолжал выступать с «Ф.», пригласили Бранана Хауи, бывшего вокалиста группы Теда Надженга. В том же году вышла пластинка под названием «Слава и успех», но успехом она не пользовалась.

«BADFINGER» («Бэдфингер»), группа образовалась в середине 60-х годов в Англии.

Исходный состав: Питер Хэм — вок., гит., форт.; Джо Молленд — вок., гит., клав.; Том Эвалис — вок., бас; Микки Джиббинс — уд.

Первоначально группа называлась «Айвиз», и в 1968 году с ней подписала контракт фирма «Эппл», принадлежащая «Битлз». В 1969 году группа записала песню П. Маккартни «Приди и возьми» и фильму «Кудесники», в котором снялся Р. Старр, — песня была включена в первую пластинку «Бэдфингер» «Волшебная музыка», 1970. Песня Маккартни попала в хит-парады, что обеспечило успех всем пластинкам

DEEP PURPLE

Они снова вместе и, кажется, навсегда — по крайней мере так утверждают Йон Лорд (9.06.1941), Ричи Блэкмор (14.04.1945), Роджер Гловер (30.11.1945), Иэн Пейс (29.06.1948) и Иэн Гиллан (19.08.1945) (на снимке — слева направо). Это «Дипперл» образца 1987 года, то есть группа в своем «золотом» составе, который в начале 70-х годов вывел ее в лидеры мирового рока. Судьба разбросала их по разным группам, но в 1984 году музыканты снова встретились в группе своей юности — дискографию «Дипперл» см. в РЭР (когда дойдет до буквы D)

Мелодичные композиции «Б.», немного напоминавшие «Битлз», принесли группе международный успех (пластинки «Ответа нет», 1970; «Прямо вверх», 1971; «Осела», 1973). «Б.» часто принимали участие в записях сольных работ экс-битлов, выступили на концерте в пользу Бангладеш, который организовал Дж. Харрисон.

Затем «Б.» перебрались в США, подписав контракт с американской фирмой «Уорнер бразерз». Этой фирмой были выпущены диски «Бэдфингер», 1974; «Жаль, что тебя здесь нет», 1974 (в Англии этот диск вышел в 1975 году, и его выпуск совпал с появлением одноименной пластинки «Пинк Флойд», что вызвало множество споров). В конце 1974 года Молленд покинул группу, а в 1975 году в состоянии тяжелого нервного потрясения Хэм покончил жизнь самоубийством. «Б.» распались.

Некоторое время Молленд играл в группе «Природный газ» вместе с бывшим барабанщиком «Прокол харум» Джерри Ширли. Эванс вернулся в Англию и присоединился к группе «Доджерс», но дела их шли очень плохо, и в 1977 году музыканты перекаленифицировались: Молленд стал обонщиком, а Эванс работал чертежником. В 1978 году они реорганизовали «Б.», пригласив Питера Кларка (ранее «Стилерз уил») — уд., и Токи Кез (ранее «Йес» и группа Дэвида Боуи) — клав. «Б.» записали еще два альбома — «Воздушные волны», 1978; «Ни слова!», 1981, — и полностью переключились на создание видеоклипов, чем занимаются по сей день.

BAKER, GINGER Джинджер Бенкер, барабанщик, настоящее имя Питер Бенкер, родился 19 августа 1939 года в Англии.

Еще подростком Б. начал играть в джазовых ансамблях, впервые попробовал себя в ритм-энд-блюзе в группе знаменитого Алексиса Корнера «Блюз минорпорентед» — это произошло в 1962 году, когда барабанщик группы Чарли Уоттс перешел в «Роллинг стоунз». Спустя год Бенкер, Джек Брюс — бас, и Грэхем Бонд — вок., организовали группу «Грэхем Бонд трио» (позже «Г. Б. организешн»). В середине 1966 года Б., Брюс и Эрик Клэптон сформировали «Крим», первую супергруппу в истории рок-музыки. После распада «Крим» в ноябре 1968 года Б. недолго играл в «Блэинд фэнт».

Великолепная техника Б., его необычная манера игры на ударных, а также незаурядная творческая фантазия способствовали появлению множества последователей, что, в свою очередь, оказало огромное влияние на только что появившийся в те годы хард-рок. Б. и по сей день справедливо считается одним из выдающихся инструменталистов жанра.

В январе 1970 года дебютировала новая группа «Военно-воздушные силы Джинджера Бенкера» (несмотря на «милитаристское» название, творчество группы не имеет никакого отношения к пропаганде войны), в музыке преобладала виртуозная ритмика, иногда в ущерб мелодическим составляющим. В разное время в «ВВС» играли: Стив Уинвуд, Рик Греч, Бонд, Денни Лени и Фил Симен. Заинтересовавшись африканской музыкой, Б. переехал в Нигерию, где создал первую в Юго-Западной Африке студию звукозаписи (в этой студии записывался альбом П. Маккартни «Ансамбль в бегах»). Б. организовал группу «Соль», в которой с ним играли местные музыканты. В 1974 году Б. сформировал в Англии группу «Армия Бенкера и Гурвицев», в которую входили братья Адриан и Пол Гурвиц, ранее игравшие в авангардном трио «Ган». «Армия» записала три джаз-роковых альбома и в конце 70-х распалась.

Б. записал еще несколько сольных дисков и в 1982 году уехал в Италию, где в деревушке близ Милана построил школу для начинающих барабанщиков. Недавно Б. записал новый альбом.

Пластинки: «Военно-воздушные силы Джинджера Бенкера»: «ВВС», 1970; «ВВС-2», 1970; «Армия Бенкера и Гурвицев»: «Армия Бенкера и Гурвицев», 1974; «Воображаемая схватка», 1975; «Сердца в пламени», 1976; Джинджер Бенкер соло: «Слон общества», 1972; «Фела Кути и африканский оркестр Джинджера Бенкера», 1972; «Лучшие вещи Бенкера», 1972; «Одиннадцать аргументов Бенкера», 1977; «Кути и Африка», 1980; «Лошади и деревья», 1987.

со стр. 15 ▼

ложить лучший товар, для сотрудничества найти самые гуманные, самые безусловные дороги. Вот два примера.

Фермер Марк Шутед: узкое бледное лицо, узкий серый галстук-шнурок, свободный пиджак. В тот вечер, когда бельгийцы показывали в холле «Орленка» то, что привезли, он стоял под цветными картинками своих коров. Я спросил его о чем-то — и следующий час жизни должен был отдать проблеме селекции феноменальной породы «бельгийская бело-голубая». Эта бело-голубая не гуляет, она только ест и спит и в конце концов становится огромной, полторы тонны весащей, тушей, из-под кожи которой вываливаются бугры мяса. Марк показал мне видеофильм о своих коровках. Марк сказал, что привез с собой сперму быка-производителя — она у него в номере, можно пойти посмотреть. Он хотел бы торговать с нашей страной, хотел бы продавать не самих коров (они плохо переносят транспортировку), а их эмбрионы, которые можно пересаживать в корову — «приемную мать» и получать таким образом (не сразу, а через 4—5 поколений) вот таких мясных тяжеловесов. Я не знал, что ему сказать, не знал, насколько это выгодно и нужно, поэтому — для читателя из Агропрома — сообщаю тут адрес бельгийца, предлагающего свои услуги: Марк Шутед, рю Фашери Спримонт, 4060, Льевеж, Бельгия.

Фотограф Жан-Мари Делюз. Бородой, усиками и общим выражением не-

сколько женственного красивого лица похожий на Арамиса, он выдавал всем желающим собственноручно изготовленные голограммы. Он работает в школе для глухонемых детей. Зрение и визуальная информация особенно важны для таких детей. Проект Делюза и четырех его глухонемых учеников так и назывался — «Молодые глухонемые создание видеоматериалов о Советском Союзе и Китае». В один из дней в Москве Жан-Мари и четыре его подопечных случайно встретились на улице с несколькими глухонемыми москвичами. «Это была для ребят такая радость! — тонко и грустно улыбаясь, сказал он. — Они поговорили жестами. Они поняли друг друга, они сумели рассказать о себе!» Школа, в которой работает Делюз, существует 150 лет и накопила большой опыт в обучении глухонемых детей на основе визуальных материалов. Может быть, Минпросу стоило бы организовать обмен материалами, встречу между учениками бельгийской и соответствующих наших школ, семинары преподавателей! Адрес: Жан-Мари Делюз, Виллем Дегрифстраат, 2, 1990, Хэйларт, Бельгия.

«Мы везем очень много интересного! — как-то приподнято, почти с восторгом, сказал Руз. Из-под челки, прямо мне в лицо, глянули вдруг наивные и веселые мальчишеские глаза. — С нами даже соломенные корзинки с земляей едут — в них растут бельгийские грибы!» Эти грибы, растущие в поезде, видно, его самого восхищали — и я,

глядя на его радость, вдруг понял, что за маской, за языком политика-функционера, которым он иногда начинал говорить, не скрывается никакой тайны и никакого противоречия. Эта маска и была — лицо. Эти казавшиеся мне то преувеличенно-громкими, то преувеличенно-сухими слова о «дружбе между народами», о сотрудничестве между бельгийской и советской молодежью были словами, выражавшими его душу, его убеждение, его идеал. Он верил в то, что говорил, а недоумение в его глазах появлялось тогда, когда он чувствовал, что я пытаюсь проникнуть ему в душу и найти там иной, тайный мотор, будь то честолюбие или желание сделать карьеру...

«Я хочу сделать заявление! — сказал Марк Руз, заканчивая наш двухчасовой разговор, состоявшийся еще до прибытия поезда. Видно, это тоже входило в его представление о том, каким должно быть интервью, если его дает профессиональный политик: ответив на все вопросы, он делает заявление, в котором суммирует самое главное и важное. Он глянул на меня, и я, усилив на лице внимание, подобающее значительности момента, приготовился писать. — Мы, участники поезда Брюссель — Москва — Пекин, хотели бы создать простые дружественные отношения между молодежью таких разных стран, как маленькая Бельгия и огромные Советский Союз и Китай. Мы хотим мира и дружбы между нашими народами. Мы хотели бы укреплять сотрудничество на основе личных контактов и знакомств».

«Завтра придет поезд — и вы увидите!» — сказал Марк Руз.

Но прежде чем рассказать о том, что я увидел, надо рассказать о том, чего я увидеть не смог. Поезд стоял в Москве три дня. Каждый из трехсот пассажиров привез что-то интересное. По утрам бельгийцы делились на группы и разлетались по Москве — один репортер, даже если он из всех сил следует классическому правилу о том, что «репортера кормят ноги», за всеми поспеть не мог. И поэтому о некоторых проектах приходилось узнавать из рассказов все того же Марка Руз или из желтой книжечки, привезенной с собой бельгийцами.

О, в этой книжечке были идеи не все вкусы! По разделу экономики и технологии: «Газовые обогреватели с пониженным содержанием кокрила». «Я не загрязняю, я способствую развитию новой технологии — кроссово-гоночный велосипед «Спландор»...» По разделу средств массовой информации: «Газета» — информация о путешествии. Выпускается раз в день в виде различных бельгийских газет. «Народная газета» — информация о событиях в мире,

происходящих во время путешествия. Тираж 100 экземпляров. Работа в типографии, установленной на борту поезда, верстка, набор, распространение — все делают сами пассажиры». По разделу окружающая среда, сельское хозяйство и кулинария: «Пища будущего: показ гастрономических рецептов на основе двух продуктов: голубая люцерна и злаки». «Организация типично бельгийского ужина». «Ведение бортового дневника натуралиста». Кажется, хватит перечислять, достаточно для примера — но не хочется лишать читателя того удовольствия, которое получил сам, читая и узнавая о всех этих разнообразных, странных, веселых, диких и серьезных проектах, созревших в молодых головах... По разделу комиксов: «Ежедневный комикс — отчет о путешествии: полный и доступный каждому сборник рисунков о событиях в поезде, о Москве и Пекине». По разделу спектаклей: «Показ техники полета на шаре-монгольфьера. Катание китайцев». (В свете трех «бельгийских» дней в Москве не успел спросить, отчего же китайцев собираются катать, а нас нет...) «Сказка, дядя, зачем ты едешь в Пекин? — воспроизведение битвы святого Георгия с драконом (сцены монского фольклора) на всех остановках». «Это «воспроизведение битвы» доставляло особенно много хлопот Марку Руэ. «Надо срочно найти хорошо выдрессированную лошадь! — сказал он мне, когда в один из дней мы столкнулись с ним в вестибюле гостиницы «Орленок». Он уже думал о Пекине. — Сложность возникла: в нашем фольклоре дракон плохой, а для китайцев он всегда хороший. Придумаем что-нибудь...»

Девушка была в сине-бело-красном костюме клоуна. К рукам у нее были привязаны вторые, они были в метр длиной и кончались маленькими ватными ладонями. Ни слова не говоря, она подошла ко мне, взлохматила мне волосы этими маленькими ватными ла-

донями и отправилась дальше. Любый не взлохмаченный человек становился ее жертвой. В ярко освещенном холле «Орленка» стоял громкий шум. Триста двадцать один бельгиец говорили разом. В углу органист играл на электро-органе. Раздались пронзительные свистки, и, разрезая толпу, колыхавшуюся между стендами, столами и киосками, зажав ногами велосипедное колесо, поехал наголо бритый громала во всем белом. Корча страшные рожи, двое без перерыва жонглировали красными булавами и мячами. Внезапно ко мне подбежал смеющийся молодой человек и сунул в руку две карикатуры. «Мы ищем встречи с любителями природы. Бельгийские друзья», — гласил от руки написанный плакат, висевший на стене, рядом с другими, где были изображены птицы, реки. Справа беспрерывно щелкал автоматический проектор, и на экране возникали тюки сена и корзинки с грибами, и голос с сильным акцентом говорил по-русски с кассеты, что «кусушку грибов необходимо осуществлять после их увлажнения». За столами, накрытыми блюдами со всем, что можно сделать из грибов или с грибами, стояли три дюжих и рукастых парня в светло-зеленых маечках. На груди у них, как у детсадовцев, были нарисованы грибочки, а в коротких рукавах катались шары-бицепсы. Это были рабочие с предприятия в городе Сент-Од, о котором говорил мне Марк Руэ — бывшие правонарушители, они теперь выращивали шампиньоны.

...Все вокруг непрерывно дурачились и приставали друг к другу. Но, стоило только подойти к чему-либо, выставленному в холле, как тут же рядом оказывался хозяин стенда или стола, изобретатель газовой горелки или защитник природы. И тут же, не теряя своей оживленной веселости, они превращались в дотошных, исполненных энтузиазма гидов. Ни один разговор не кон-

чался быстрее получаса. Никто не хотел объяснять коротко и сжато (из-за двух фраз, что ли, ехали через всю Европу!), но каждый желал рассказать все. Просто все. Так говорят только о своих идеях. Так говорят только те, кто бесконечно увлечен своей идеей и верит, что все вокруг тоже увлечены, не могут не быть увлечены. Где-то в толпе мелькнуло оживленное лицо Марка Руэ. Из открытых дверей концертного зала повалили клубы и хлопья музыки — это начинала программу бельгийская рок-группа «Полифоник сайс». Вдруг все побежали и стали дарить всем вокруг самодельные разноцветные флажки — этот проект назывался «Корабль башенных художников: разноцветные флажки, представляющие многообразие Бельгии».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это увлекательное путешествие 330 молодых бельгийцев, столь ярко и красочно описанное А. Поликовским, действительно стало центральным событием в советско-бельгийском молодежном сотрудничестве. Ничего подобного еще не было. Будет ли продолжено такое сотрудничество? Ответить на этот вопрос однозначно сложно. Но думаю, что читателям интересно было бы узнать, что министр-председатель Валлонского региона г-н Ватле, принявший участие в мероприятиях московской программы, выдвинул предложение о направлении в 1988 году ответного поезда советской молодежи в Бельгию.

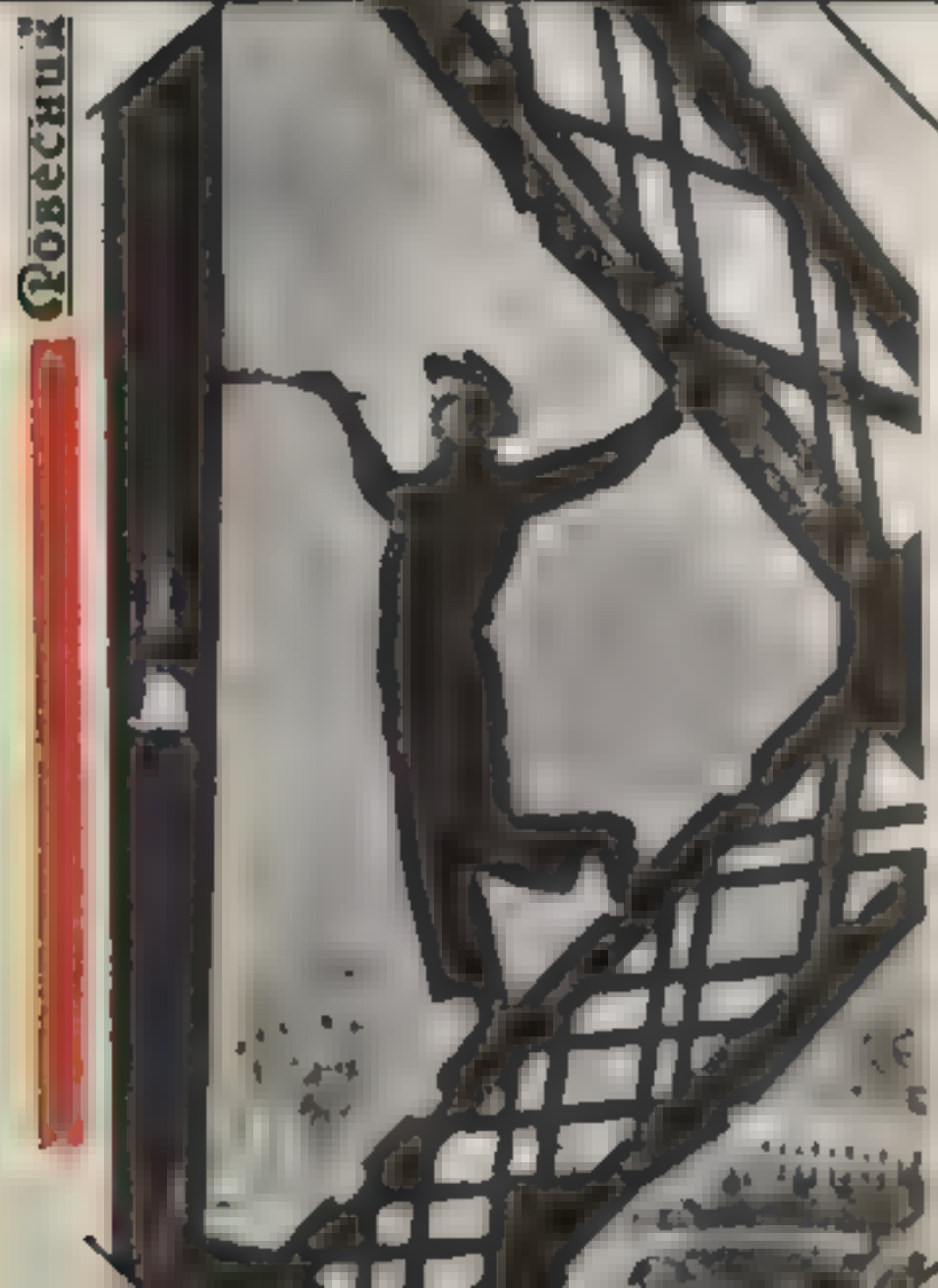
В. РЯБОВ,
заведующий сектором
КМО СССР

Фото А. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ТРИ ВЗГЛЯДА НА СОВРЕМЕННУЮ ФОТОГРАФИЮ

Начиная с фотографии «Малер на Эйфелевой башне», опубликованной в 1953 году в журнале «Лайф», и кончая снимком женщины, прикрепляющей цветок к штыкам солдат перед Пентагоном в 1967 году, стиль Марка Рибу присущее сочетание чистоты, тонкой уравновешенности и фантазии.

За 35 лет творчества этот молчаливый человек никогда не поддавался искушению делать броские снимки и осматривал через видоискатель, наверное, всю планету. Шагая по натянутому канату действительности, будучи далеким от мысли вести себя как «великий репортер» или неутомимый бродяга, этот путешественник, «бегущий по дол-

готе», смотрел на ажиотаж нашей эпохи чистым и добрым взглядом, возвеличенным тщательным восприятием деталей. Больше воспевая сходство, чем различие, стремясь понять, а не вынести суждение, он со сдержанной жадностью воссоздает воспоминание о событиях, пейзаже или лице. Его простые, теплые и порой почти мгновенные снимки — это короткие поэмы, резюме смысла и осознания, в которых за долю секунды собираются вместе крупные и мелкие события истории.

ИНТЕРВЬЮ ИЗВЕСТНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ФОТОГРАФА МАРКА РИБУ

Вопрос: Из каких соображений вы исходили, назвав «Дневником» этот новый альбом, который в 93 фотографии подводит итог вашей профессиональной деятельности?

Ответ: Речь идет о 35 годах моей жизни фотографа. Меня всегда мучил сильнейший комплекс, что я не профессионал. Но еще Орсон Уэллс (американский кинорежиссер, артист, сценарист. — Ред.) задавался вопросом, когда же наконец слово «профессионал» перестанут считать похвалой. Для меня же удовольствие, свобода и страстность имеют большее значение, чем навыки ремесленника. Смысл заглавия, как известно, заключается в том, чтобы определить содержание книги. Мои фотографии представляют собой в некоторой степени путевые заметки. Я делал их подобно тому, как ведут бортовой журнал. Сегодня мы в Пекине, завтра — в Париже. Многие из моих снимков были опубликованы в иллюстрированных журналах и газетах. Они позволили мне существовать как фотографу. До появления телевидения иллюстрированные журналы были идеальным средством ознакомления с такими неизвестными краями, как Африка, Индия или Япония. Я отправлялся туда, даже если там не было войны или голода. В сущности, мои репортажи той поры были эквивалентом документальных фильмов.

Самым сложным делом в составлении этого альбома был отбор фотографий. Как отобрать около ста снимков из почти 10 тысяч пленок по 36 кадров в каждой, которые я отснял за свою жизнь? Во время путешествия вас подстерегает большая опасность: стремление снимать побольше, полагая, что среди этих снимков в любом случае будет один удачный. Но такая легкость ведет к посредственности. Но бывают и моменты, когда налицо сразу все элементы: и жесты, и формы, и движение, и объемы, и освещение, и экспрессия. Однако когда снимаешь — у твоего лука одна тетива, а не несколько струн, как на арфе, но зато в запасе много стрел. Фотографировать — это значит прежде всего целиться, стремиться всецело к одной-единственной цели. Поэтому нажатие на спуск доставляет истинное блаженство. Когда нажимаешь на спуск, не знаешь, попал ли ты в цель. Это обнаруживаешь лишь на контрольном отпечатке, а порой и через не-

сколько лет, когда ты можешь на все это взглянуть со стороны. Чтобы выпустить эту книгу, я погрузился в море снимков. Я их собрал, рассортировал, тщательно пересмотрел один за другим через лупу. Я могу хоть завтра опубликовать совсем иную книгу с совершенно другими photographиями. Главная проблема заключалась в том, чтобы установить порядок их следования. Ибо каждый снимок оказывает подсознательное влияние на восприятие следующего. Каждый из них звучит подобно ноте в гармонии.

Вопрос: С каким настроением вы отправляетесь в путешествие, и какое чувство ответственности нужно испытывать, чтобы отразить в фотографиях жизнь народа и его культуру, которые ты впервые открываешь для себя?

Ответ: Долгое время считалось, что для того, чтобы отразить действительность, необходимо как бы примерить на себя нравы страны, в которую едешь. Я же считаю, что необходимо оставаться самим собой и быть верным своей культуре. То есть чтобы правильно видеть, не следует растворяться в том, что видишь. Это подобно отношению к женщине, художнику или писателю: чтобы их понять, надо любить их, оставаясь самим собой. Если вы станете другим, то вам не нужно будет открывать для себя все это. Чтобы познать, надо быть открытым и готовым впитывать окружающее. Такое мой настрой. Я знаю людей, которые, побыв пятнадцать дней в Китае, написали огромные тома книг. Но я знаю и тех, кто, живя там пятнадцать лет, говорит по-китайски и так прекрасно знает Китай, что не отваживается рассказывать о нем. Я был в Китае шесть или семь раз, и в общей сложности я провел там почти год моей жизни.

Именно кратковременность моих командировок гарантирует свежесть и новизну восприятия. Надо видеть мир глазами ребенка. Что касается ответственности фотографа, то следует тотчас избавиться от этого мифа. Мы снимаем лишь детали, показываем фрагменты, мелочи жизни. Разумеется, распространение этих «деталей» может способствовать созданию представления о стране. Даже в самой целомудренной стране мира вы можете встретить обнаженную женщину. И эта женщина может быть единственной на один миллиард жителей. Газеты слишком часто публикуют то, что шокирует или поражает, но событийность и зрелищность не отражают истины. Поэтому я научился не доверять снимкам-символам. Мой новый альбом состоит из совокупности увиденных мною деталей.

Вопрос: Когда вы приезжаете в другую страну, то возникает чувство потерянности в новой, непривычной обстановке. Как вам удается чувствовать себя одновременно иностранцем и жителем данной страны?

Ответ: Оставаться самим собой не означает прогуливаться с тростью и в галстук-бабочке. Тем более не идет

речь о том, чтобы наряжаться тибетским ламой или туристом из Калифорнии. В некоторых странах одна лишь цена вашей «Лейки» и вашего авиабилета равны для тех, кого вы фотографируете, их заработку за несколько лет. В таких условиях трудно чувствовать себя свободно. К счастью, я застенчив, у меня необщительный и замкнутый характер. В Пекине, Абиджана или в Мехико я буквально живу на улице, наблюдаю, пытаюсь увидеть то, что происходит. Мне всегда крайне неприятно наводить на кого-либо фотокамеру.

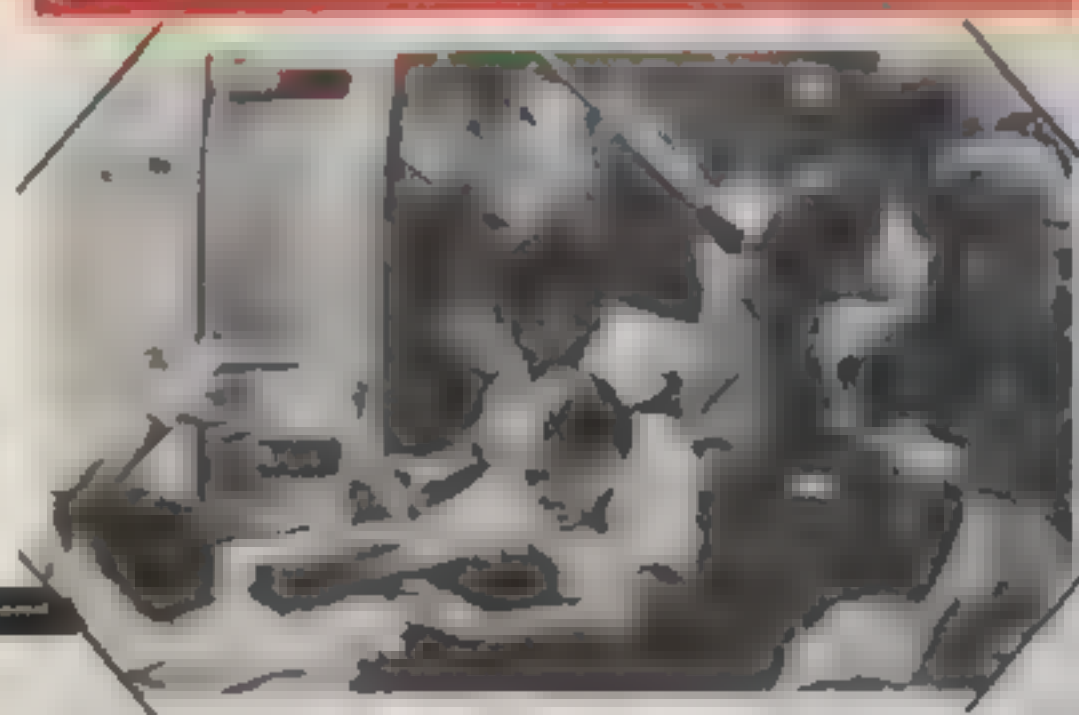
По-моему, «смотреть» должно быть синонимом «обмена». Но фотография отрицает вежливость обмена. Конечно, условно говоря, следовало бы снимать, не глядя на людей. Если вы молча смотрите на кого-нибудь на улице, то он первым делом спросит вас: «Вы хотите меня сфотографировать?» Следовательно, есть чувство потерянности в новой обстановке. И чем сильнее это чувство, тем больше у вас шансов быть удивленным. В самом деле, когда вы удивлены, вас захватывает увиденная картина. И тогда вы находите во власти фотографии, а не просто делаете фото.

Вопрос: Какова доля впечатлений, личных чувств по отношению к информации, к объективным данным, которые вы должны донести?

Ответ: К счастью, полной объективности не существует. Но зато есть честность. В Бангладеш я отказался снимать бенгальцев, подвергшихся пыткам. Это было физически невозможно для меня. Такие были и в других странах. Я чувствую себя неспособным к насилию или к агрессии с помощью фотографии. Для меня существует уважение к смерти, к страданию и к интимной жизни. В этом смысле я не подлинный журналист. В одном моем альбоме о Вьетнаме, появившемся в США, нет ни снимков о бомбардировках, ни сцен насилия. С журналистской точки зрения, я, как говорят, не «осветил» ужасов войны. Для меня хуже всего быть названным «великим репортером». Я определял себя через то, чем я не являюсь, и было бы гораздо точнее называть меня просто «фотографом».

Поэтому, хотя я и отказываюсь снимать крайности, я прекрасно понимаю, что та манера, в которой я следую своей природе, отнюдь не должна быть каким-то моральным кодексом для других.

Вопрос: Как вы готовитесь к поездкам?

Ответ: Немного читаю, собираю сведения, нахожу и устанавливаю контакты на местах — но не многочисленными — и сложу за своим физическим состоянием. Это очень важно. Тело — это единое целое. Фотосъемка — это жест, соответствующий определенному моменту во времени и месту в пространстве. Один офтальмолог говорил мне, что для того, чтобы оперировать, все его тело, а не одна лишь рука, должны быть в прекрасной форме. Ибо отклонение на какой-то миллиметр может привести к повреждению глаза. Точно так же, если вам неуютно в своем теле или у вас неуютно в голове, если вы находитесь в неустойчивом физическом равновесии, вы можете испортить снимок. А как известно, утраченную возможность не вернешь.

ИНТЕРВЬЮ ФОТОРЕПОРТЕРА ГИ ЛЕ-КЕРРЕКА

Вопрос: Лежит ли в основе вашей фотографической деятельности социальная озабоченность в широком смысле этого слова?

Ответ: Да. Но я никогда не переставал чередовать выполнение социальной функции фоторепортера и оспаривание этого требования, когда на меня навешивали ярлык, что я занимаюсь одной лишь «социалкой». Потому что, как я считаю, фоторепортер не может ограничиваться лишь ролью очевидца своей эпохи...

Вопрос: Что же он еще должен делать?

Ответ: Должен давать волю своим личным эмоциям. Когда мы создали агентство «Вива», нас воспринимали как группу людей, размышляющих о социальной роли фоторепортера, о его ответственности очевидца. Я в некоторой степени отстранился от этого. Я считаю, что недостаточно показывать и изобличать нищету, чтобы заставить осознать причины ее возникновения.

Вопрос: Что для вас важнее: событие или эстетическая сторона, придающая определенный аспект событию?

Ответ: Это — все те же два полюса, между которыми действуют фотографии. В некоторых случаях я с удовольствием пользуюсь языком эстетики, чтобы прийти тем самым к информации. Но эстетизм может и выхолостить информацию. Я вспоминаю известную фотографию Альвареса Браво, на которой изображен убитый демонстрант. Во время ее показа на выставке один очень элегантный и импозантный тип, входящий в сословие фотографической интеллигенции, заявил: «О, посмотрите, как прекрасна эта фотография! Взгляните на эти оттенки серого цвета!» Оттенками серого цвета была кровь. Похоже, что в данном случае фотография достигла совершенно противоположной необходимому цели.

Вопрос: Во всяком случае, во взгляде фотографа есть элемент субъективного переосмысления события...

Ответ: Именно поэтому недостаточно быть просто очевидцем. Я пытаюсь не пользоваться простым стилем с его

журналистскими правилами «кто, что, когда, где и как», а идти более сложным путем, порой более изощренным, в надежде более остро поставить вопрос. Для меня это — политическое убеждение подчеркивать, что не следует ничего понимать буквально и что необходимо постоянно задавать себе вопросы. Мы не должны фабриковать доказательства. Мой подход к фотографии заключается как раз в том, чтобы путать карты.

Вопрос: Я слышал, как вы однажды сказали: «Человек слишком большое существо, чтобы поместиться в кадре».

Ответ: Очень важно то, что происходит за кадром. Когда снимаешь людей, недостаточно потом просто вручить им фотографию размером 13 на 18, необходимо, чтобы они могли «воспользоваться» этим взглядом на них со стороны. Я не испытываю чувства вины, снимая людей. Однако затем следует открыть дверь в другой мир, мир культуры, для того, чтобы информация, содержащаяся в фотографии, стала средством общения. Власть фотографа может быть быстро разделена с людьми, которые участвовали в съемке.

Вопрос: Отразилось ли на вашем профессиональном пути ваше происхождение из рабочей семьи?

Ответ: Это правда, что среди фотографов (скажем, признанных) немногие имеют пролетарское происхождение, подобно тому, как мало детей рабочих учатся в университете. Мой отец, который был железнодорожником, коммунистом и активистом Всеобщей конфедерации труда, внушил мне интерес к определенной социальной справедливости и к классовой борьбе. И в этой области я никогда не шел на уступки. Это мне помогало, когда люди говорили: «Этот парень смел, он открыто показывает свои идеи». За это мне также пришлось тяжело расплачиваться, особенно с тех пор, как вновь наступила эпоха устремленности к крайнему индивидуализму.

Вопрос: Став известным фотографом, не оказались ли вы по другую сторону баррикад?

Ответ: В детстве, и это было большим несчастьем для меня, я проходил по набережной Сен-Ипполита, испытывая желание посмотреть на картины в художественных галереях. Но я не осмеливался туда войти. Я всегда боялся, что мои ботинки недостаточно хорошо начищены или что я чихну и тем вызову недовольство... И даже если позже я стал известным благодаря случаю или, возможно, таланту, я никогда не мог приспособиться к рынку искусства в том виде, в котором он существует. Я не считаю для себя удачей, что меня признали люди, которые на 99 процентов не того происхождения, что я. Однако, если говорить откровенно, самый дурной вкус отношу не у этой буржуазии. Ведь она не ошибается ни в модах, ни в дизайне и т. п. А что же остается для других? Серый пластик стандартной кухонной мебели! Именно поэтому, говоря об элитарном искусстве

для всех», после того как ему будет дано определение и определены его средства, необходимо вести политическую борьбу, которая заключается не в том, чтобы только выставляться на наиболее значительных культурных мероприятиях, а в том, чтобы дать жизнь в фотографии народной культуре в том смысле, в каком Жану Виллару [французский режиссер, создавший Национальный театр.— Ред.] удалось увлечь народ своим театром. Искусство должно быть живым, питаться тем, что происходит, волнениями улицы, печалью людей. Нельзя довольствоваться тем, что тебе удалось попасть в пантеон фотографии.

МНЕНИЕ ФОТОРЕПОРТЕРА СЕРЖА СИБЕРА

Для меня фотожурналистика всегда была способом выражения моей ярости: поколебать мнение общества о самом себе, быть громогласным свидетелем и протестовать против действительности. Будучи существом социальным, я хотел чтобы мои снимки показывали мои сомнения и мою ориентацию, а также сомнения и ориентацию моих современников. Я не думаю, чтобы фотография могла дать ответы на вопросы, но по крайней мере она может заставить задавать правильные вопросы. Сегодня весьма трудно быть услышанным в этом потоке снимков, которые все больше распространяются по узким, монополизированным каналам информации. В силу незаинтересованности и даже презрения некоторых средств массовой информации к носящей социальный характер фотографии я порой начинаю сильно сомневаться в своей полезности. Однако же, хотя это и подразумевает некоторую иллюзию и наивность, желание оставить заметный след целомудренно, искренне, кажется единственным правильным и честным путем. Разумеется, нам хотелось бы иметь такое социальное окружение, которое сознательно использовало бы эту способность наших снимков будить чувства людей, пробуждать у них чувство ответственности, вызывая таким образом их солидарность.

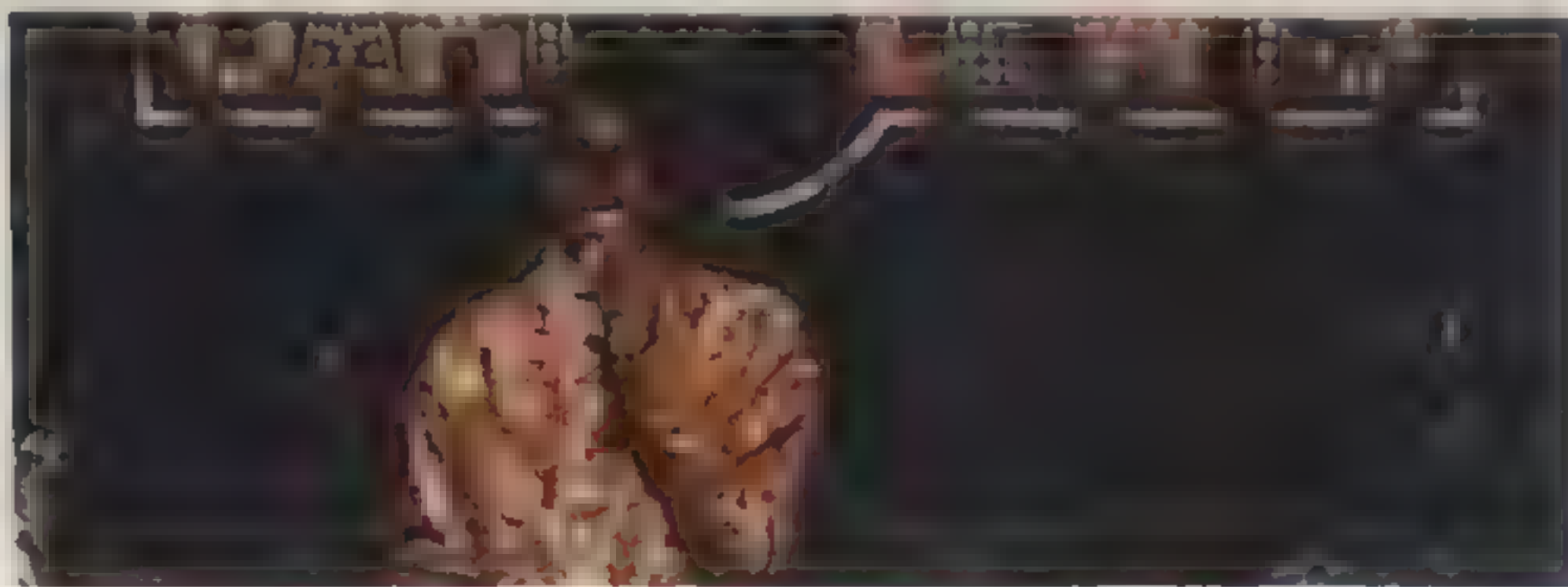
Пока единственным для меня способом принимать участие в делах мира является занятие фотожурналистикой с этой крайне обостренной чувствительностью и яростью, даже если за это придется расплачиваться ценой жестокого одиночества.

НАЗАД, К ЛЮДЯМ

Карл Льюис — великий спортсмен. Список его побед мог бы занять эту страницу. Казалось, он сделал все, чтобы стать любимцем американских болельщиков. Но не стал им. Публика и пресса не любили его за надменный характер, за то, что он постоянно демонстрировал свое превосходство над «простыми смертными». В итоге люби-

мыми спортсменами нации стали другие — например, симпатичная гимнастка Мэри Лу Реттон или баскетболист Михаэль Джордан.

Льюис понял, что допустил ошибку. Он решил изменить свой образ, из супермена снова стать человеком. Но как об этом решении поведать публике? И Льюис решил облечь свое послание в музыку. Он выпустил пластинку, где поет высоким, трогательным, даже беззащитным голосом.

ЛЕТНИЙ ИЛИ ЗИМНИЙ?

Все перепуталось. В конце августа, когда в Монреале стоит жара, хоккеисты выясняют отношения на «Кубке Канады» — а ведь хоккей зимний вид спорта. Зато в ноябре, когда в Москве улицы покрываются снегом, футболисты высшей лиги играют в манеже, как будто забыв, что футбол — летняя игра...

Грань между зимними и летними видами спорта делается все менее заметной. Легкая атлетика, плавание, бокс, борьба, теннис, фигурное катание, пинг-понг, баскетбол и волейбол — все эти виды спорта стали равно летними и зимними. И, судя по публикуемому здесь снимку, сделанному в Швейцарских Альпах, пришла очередь прыгунов с трамплина.

36 ЧАКРОБОРТИ

Первая роль индийского киноактера Митхуна Чакроборти была, по мнению критиков, его лучшей ролью: за работу в фильме режиссера Мринала Сена «Королевская охота» жюри Национального кинофестиваля назвало Чакроборти лучшим актером 1975 года. Однако высокохудожественным, серьезным фильмам молодой актер предпочел сугубо развлекательные ленты: Чакроборти снялся в 65 картинах преимущественно в амплуа «славного мелого», пробивающего себе дорогу в жизни. Митхун Чакроборти был гостем XV Московского международного кинофестиваля, и в одном из интервью сказал, что хочет стать режиссером-продюсером коммерческих кинолент с песнями, танцами и погонями. А пока у него жесткий график съемок: в ближайший год на экраны Индии выйдет еще 36 картин с его участием.

Эрролл Флинн, Ричард Грин, Ян Овертон. Это и понятно. А они, между тем, все в свое время были Робин Гудами. И не их вина, что их Робины были Гудами не в таком уж юном возрасте. В 30-е, 50-е и 60-е годы было принято изображать легендарного борца за справедливость достаточно зрелым человеком. Майкл Прадд в 24 года стал первым

в этой бесконечной пляде честных разбойников молодым человеком. Для девушек, покоренных обаянием красавца Гуда, сообщаем, что, как нас обнадежили в Гостелерадио СССР, ведутся переговоры с английской телекомпанией Эйч-ти-ви о приобретении прав на повторную демонстрацию столь полюбившегося юным зрителям фильма.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ,

какова она, доброта, если исчислять ее в кубических метрах? А мы теперь благодаря информации, опубликованной в американской прессе, знаем. И спешим поделиться с вами: объем доброты, милосердия и сострадания — три метра в длину, метр в высоту и метр в ширину. Именно так выглядят картонные ящики, которые городские власти Сан-Франциско предлагают своим городским бездомным — за мизерную, но все же плату. Эту идею подхватила британская телефонная компания «Бритиш телеком». Английским бездомным — а они в Великобритании, хоть в меньшем, чем в США, количестве, но все же есть — будут предложены вышедшие из употребления телефонные будки.

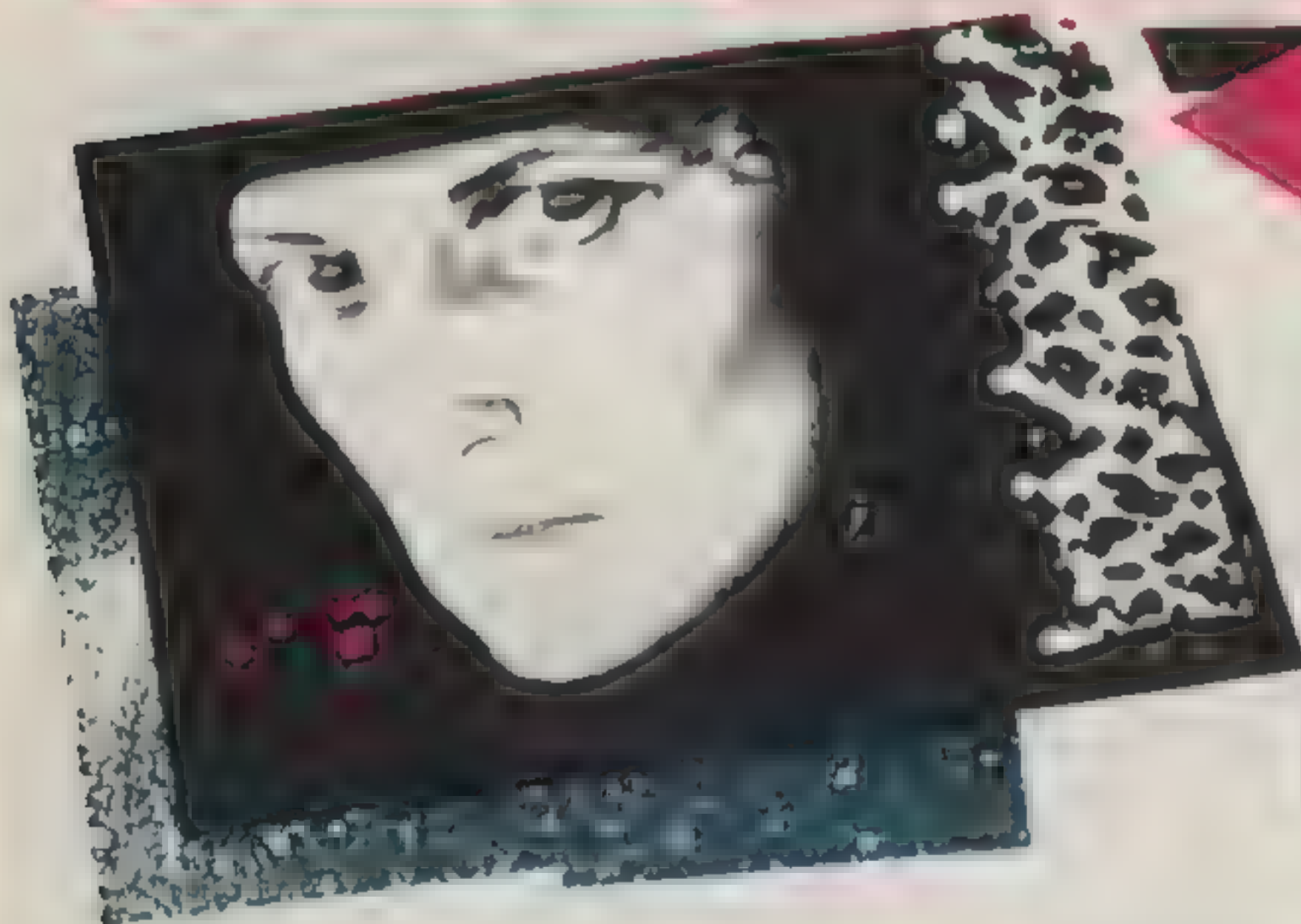
Ежели их положить на бок да развесить занавесочки...

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Наша родная авоська (как сказано в «Словаре русского языка»: «просторечное, сетчатая сумка для продуктов») прижилась и великолепно чувствует себя... в Италии. Более того, стала новой молодежной модой. Правда, чуть-чуть видоизменившись: итальянская авоська напоминает переметную суму, которую удобно носить на плече (апрочем, наши-то хозяйки давно пришли к этой идее, связывая две авоськи веревочкой). Может, идею эту — только теперь уже как «импортную» — подхватят кооперативные мастерские?

ТИМОТИ ЗАН,

американский писатель

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПОДЪЕМ ПЯТАДВАДЦАТИ

Фантастическая повесть

«Бюро Инопланетной Жизни, Клерс.
Директору Родау.
(Дополнение к тридцатому годовому
отчету)

Дорогой Родау!

Мне хорошо известно, как вы не любите читать дополнительные материалы к уже выпущенному документу. Надеюсь, на этот раз вы сделаете исключение, учитывая важность новой информации. Она касается недавно открытых нами разумных существ, землян, которые были лишь мельком упомянуты в годовом отчете.

Суть в том, что мы столкнулись с опасным отклонением от стандартной модели. Во многих отношениях земляне не очень развиты, даже примитивны. Доставленные для экспериментов в Центр, почти все они впадали в панику. И тем не менее в отличие от прочих дикарей, они обладают способностью удивительно быстро восстанавливать душевное равновесие. Подавив страх, они включались в игры первой ступени, проявляя отнюдь не свойственные столь юным цивилизациям воображение, смелость и настойчивость, что делает землян похожими на обитателей планеты Кейнс. Именно это обстоятельство и побудило меня обратиться к вам, не дожидаясь очередного годового отчета. Сейчас, когда уровень знаний не позволяет землянам выйти за пределы их звездной системы, они, естественно, не представляют реальной угрозы. Но если выяснится, что потенциально Земля опасна для нас, пусть даже в десять раз меньше, чем Кейнс, придется немедленно принимать решительные меры.

В свете вышесказанного прошу разрешения перейти к третьей фазе исследований (полное обоснование мое-

го предложения имеется в приложении).

С уважением,

Элфис,
Директор Центра
Игровых Исследований,
Вар-4.

4 марта 3829 года».

«Центр Игровых Исследований,
Вар-4.

Директору Элфису.

Дорогой Элфис!

Мы с интересом ознакомились с дополнением к годовому отчету. Как и вас, меня тревожат потенциальные возможности этой цивилизации, и я полностью одобряю ваше предложение о переходе к третьей фазе исследований. Не вызывает возражений и ваше предложение о выборе в качестве соперников землян представителей разумных существ, осевших межзвездные полеты. Например, олитов или файволиков. В вашем предыдущем отчете упоминалось о том, что олиты начинают высказывать недовольство проводимыми исследованиями, но, думаю, не стоит обращать на это внимания. Ваши эксперименты убедительно показывают, что цивилизация олитов не представляет для нас никакой опасности. Держите нас в курсе событий, особенно если вы обнаружите новые доказательства психологического сходства жителей Земли и Кейн-

Искренне ваш,

Родау,
Директор Бюро
Инопланетной Жизни,
Клерс,
34 марта 3829 года».

Матовая, непроницаемая сфера, воз-

никшая вокруг него пять минут назад, исчезла так же неожиданно, как и появилась, и Келли Макклейн очутился в совершенно незнакомом помещении.

Он осторожно огляделся. В том, что он находится вне своего кабинета в физической лаборатории университета, не оставалось сомнений.

Он сидел в полукруглой нише, выходящей в небольшую комнату. Кресло и три четверти его рабочего стола, оказавшиеся внутри сферы, совершили путешествие вместе с ним. Потолок, пол и стены покрывал блестящий, похожий на бронзу металл. Справа и слева он заметил панели, напоминающие раздвижные двери.

Едва дрожь в ногах прошла, Келли встал и, протиснувшись в узкую щель между столом и стеной, выбрался в комнату. Келли осмотрел «двери». Если это и были двери, он так и не понял, как они открываются.

— Эй! — крикнул Келли, глянув в потолок. — Есть тут кто-нибудь?

— Добрый день, человек, — тут же ответил ровный бесцветный голос. — Поздравляю с прибытием в Центр Игровых Исследований Стриффера на планете Вар-4. Ты доставлен сюда в Трансфере. Полагаю, путешествие не вызвало у тебя болезненных ощущений.

Центр Игровых Исследований!

Келли вспомнил статью, в последнее время регулярно появлявшуюся в журналах, телепередачи о людях, похищенных с Земли и побывавших именно в Игровом Центре. Он обратил внимание на странную закономерность статей: людей всегда похищали по двое, заставляли их играть друг с другом, после чего возвращали на Землю. Он всегда воспринимал эти статьи и пе-

редачи как дешевую сенсацию, призванную поднять тираж журналов или популярность телепрограмм.

Значит, решил Келли, вполне вероятно, что теперь он оказался жертвой шуток коллег по университету.

Только из чего они могли сделать эту матовую сферу?

Ну что ж, подумал Келли, надо им подыграть.

— О, путешествие прошло прекрасно. Правда, немного скучновато.

— Ты очень быстро приспособился к новой обстановке.— Келли показалось, что он заметил в голосе нотки неподдельного изумления.— Меня зовут Слейч. А тебя?

— Келли Макклэйн. Для инопланетянина вы прекрасно говорите по-английски. Кстати, кто вы?

— Я — стриф. У нас хорошие компьютеры-переводчики, а необходимую лингвистическую информацию мы получили от землян, побывавших здесь до тебя.

— Да, я слышал об этом. Неужели вы привозили их сюда только для участия в играх? Или это государственная тайна?

— Не совсем. Мы хотим поближе познакомиться с вашей цивилизацией. Игры — эффективный способ исследования психологии разумного существа.

— А не хотели бы вы просто поговорить с нами или, еще лучше, прилететь на Землю? — Келли начал понимать, что и бронзовой комнате его коллеги не имеют отношения. Голос, в котором не было ничего человеческого, убеждал его в реальности существования Игрового Центра. На лбу Келли выступил пот.

— Обмен словами не позволяет вскрыть интересующие нас закономерности. Посещение Земли также не входит в наши планы, так как энергетические возможности Трансферы ограничены и Центр не располагает звездолетами. А я бы не хотел оказаться на Земле в одиночестве.

— Но почему? Неужели вы так некрасивы? Покажитесь хотя бы мне.

— Пожалуйста, — последовал бесстрастный ответ, тут же одна из стен потемнела, а затем стала прозрачной. За ней стояло двуногое и двурукое чудовище с безобразной головой. От ужаса у Келли перехватило дыхание — Ну, как по-вашему, могу я сойти за человека?

— Я... я... я... — пролепетал Келли, всеми силами пытаясь подавить подкатывшую к горлу тошноту. Он видел настоящего инопланетянина. Никто на Земле не смог бы так загипнотизировать человека. А техника пока не позволяла создавать движущиеся объемные голограммы такого размера.

— Вижу, что испугал тебя. Извини, — Слейч протянул шестипалую конечность к маленькому пульту, и стена снова заблестела бронзой. — Вероятно,

ты хочешь отдохнуть и поесть, — левая панель ушла в стену, открыв вход в смежную комнату. — Мы начнем через несколько часов. Тебя позовут.

Келли молча кивнул, не доверяя своему голосу, и прошел в комнату, предназначенную, как он понял, для отдыха. Дверь закрылась. Ему удалось добраться до кровати прежде, чем у него подогнулись колени.

Долгое время Келли лежал лицом вниз. Но мало-помалу он успокоился, повернулся на бок и задумался, уставившись в бронзовую стену.

В настоящий момент по меньшей мере ему ничего не угрожало. Если верить журнальным статьям, инопланетяне интересовали лишь результаты психологических экспериментов, после окончания которых участников отправляли на родную планету. Судя по всему, с ним собирались поступить точно так же... Вспомнив лицо инопланетянина, Келли вновь содрогнулся. Опыты или нет, тот не имел права показывать ему без всякого предупреждения...

Очень важно, рассуждал Келли, сохранять спокойствие и быть примерным подопытным кроликом. Тогда он сможет быстро и без хлопот вернуться на Землю.

Вероятно, он задремал, потому что его разбудил мелодичный сигнал.

— Да? — Келли вздрогнул и сел.

— Время отдыха закончилось, — ответил все тот же бесцветный голос. — Пройди в лабораторию.

— А кто мой соперник? — Келли встал и направился к выходу. — Или вы привозите с Земли случайных людей?

— Твоим соперником будет не землянин.

Нога Келли застыла в воздухе, и он взмахнул руками, чтобы не упасть. Такого поворота событий он не ожидал.

— Понятно. Благодарю за предупреждение. И... кто он?

— Олит. Их цивилизация обогнала вашу на пару столетий. Государство олитов включает восемь планет в семи звездных системах. Мы провели всесторонние исследования этой цивилизации, хотя их ближайшая планета находится на расстоянии тридцати световых лет от Игрового Центра.

— А далеко ли они от нас? — как бы невзначай спросил Келли. — Вы, правда, не говорили, сколько отсюда до Земли...

— Примерно сорок восемь световых лет. А до родной планеты олитов свет от Солнца идет тридцать шесть лет. По космическим меркам не такое уж большое расстояние.

Как только Келли вышел из комнаты отдыха, правая панель отошла в сторону. Сбрав волю в кулак, он переступил порог лаборатории.

В красноватом полумраке Келли разглядел стоящий в центре стол с большой игровой доской и два кресла, одно из которых непривычной формы. В противоположной стене виднелась дверь, перед ней стоял инопланетянин.

На этот раз Келли оказался более подготовленным к встрече с внеземным существом и с интересом рассмотрел своего соперника. На полголовы ниже его, олит стоял на двух ногах и имел две руки с четырьмя когтистыми пальцами. Все его тело покрывала крупная белая чешуя, а удлиненные, выступающие вперед челюсти указывали на большое количество зубов. Под нависшими бровями сверкали черные глаза.

Короче, перед ним стоял бесхвостый аллигатор-альбинос, подпоясанный широким ремнем и в берете.

Землянин и олит подошли к столу практически одновременно. Келли медленно поднял руку с раскрытой ладонью, надеясь, что его жест будет правильно истолкован.

— Привет. Я — Келли Макклэйн, человек.

Инопланетянин не отпрянул назад и не сцепился в горло Келли. Вытянув обе руки, он сцепил их на запястьях. Губы олита шевельнулись, послышались какие-то странные звуки. Секундой позже компьютер перевел:

— Приветствую вас. Я — Тлеймейси, олит.

— Вы можете начать, — разделся голос Слейча, — как только договоритесь о правилах.

Келли мигнул.

— То есть как?

— Игра не имеет установленных правил. Вы сами определяете цель игры и условия ее достижения.

— Зачем это нужно? — спросил Тлеймейси.

— Мы хотим изучить взаимоотношения людей и олитов, — ответил Слейч — Я не сомневаюсь, что вам известно о подобных экспериментах.

Келли нахмурился и взглянул на олита.

— Вы тут уже бывали?

— За последние шестнадцать лет сто тридцать жителей наших планет участвовали в экспериментах Игрового Центра, — несмотря на ровный голос компьютера, Келли почувствовал негодование олита. — Некоторые рассказывали об этой игре без правил. Но я хотел бы знать, каковы ставки в нашей игре?

— Как обычно, победителю разрешается вернуться домой.

У Келли екнуло сердце.

— Подождите! — воскликнул он. — А кто установил это правило?

— Мы, — коротко ответил Слейч.

— Понятно... а что будет с проигравшим?

— Он останется здесь, чтобы сыграть со следующим соперником.

— А если я откажусь?

— Отказ от участия в игре равносителен поражению.

Келли не оставалось ничего другого, как хмыкнуть и повернуться к игровой доске.

Вероятно, она предназначалась для дюжины самых различных игр. Периметр доски окаймляли два ряда квадратов пяти цветов. В одном из них квадратики разного цвета чередовались в определенном порядке, во втором — располагались хаотично. Посередине находилось подобие шахматной доски с наложенными на нее концентрическими кругами и диагональными цветовыми полосами. Справа лежали стопка прозрачных пластинок, рисунок которых повторял игровую доску, и подставки для них. Слева — кучка фишек и фигур, разнообразных по цвету и форме, игральные карты, кубик с цифрами на гранях, какое-то устройство с маленьким дисплеем.

— Вижу, что нас снабдили всем необходимым, — Келли взглянул на олита, также внимательно рассматривающего игровую доску. — Вероятно, сначала мы должны выбрать поле и цвета. Предлагаю красные и синие квадраты, — он указал на шахматную доску.

— Очень хорошо, — кивнул Тлеймейси. — Теперь осталось решить, во что мы будем играть. Как насчет фо-плай?

— Я не знаю этой игры, но у нас наверняка есть что-то похожее. Объясните мне правила...

Игра отдаленно напоминала го¹, но фишки имели ограниченную подвижность.

— Принцип игры мне понятен, — сказал Келли, когда олит закончил. — На вашей стороне преимущество, так как вы, естественно, играли в фо-плай и раньше. Поэтому ставлю два условия. Во-первых, о тройной атаке соперник предупреждается за один ход.

— Но этим исключается элемент внезапности, — возразил Тлеймейси.

— Совершенно верно. Но вы, в отличие от меня, хорошо разбираетесь в тонкостях игры. Поэтому мое условие хоть ненамного, но уравнивает наши шансы.

— Согласен, — после короткого раздумья кивнул олит. — Второе условие?

— Сначала мы сыграем тренировочную партию. Другими словами, только вторая партия определит, кто возвратится домой, а кто останется здесь. Это допустимо? — Келли взглянул в потолок.

— Правила игры вы определяете сами, — ответил Слейч.

Келли перевел взгляд на олита.

— Тлеймейси?

— Не возражаю. Начнем?

Игра Келли понравилась, хотя начал он плохо и ему пришлось только защищаться. Стратегию Тлеймейси он понял уже к середине партии, а к концу мог предугадать почти каждый ход олита.

— Интересная игра, — заметил Келли, когда они расставили фишки для следующей партии. — Она пользуется популярностью на вашей планете?

— Нет. В древности она помогала развивать логическое мышление. Вы готовы?

— Да, — ответил Келли. Во рту у него пересохло.

На этот раз он избежал ошибок, допущенных в тренировочной партии, и получил позицию ничуть не хуже, чем у Тлеймейси. Склонившись над столом, мучаясь над каждым ходом, он забыл обо всем, кроме игры.

И тут Тлеймейси допустил серьезный промах, подставив левый фланг под двойную атаку. Четырьмя следующими ходами Келли снял шесть фишек соперника.

Раздалось громкое шипение. Келли взглянул на Тлеймейси, и победная улыбка медленно сползла с его лица. Олит смотрел на него не мигая. В полуоткрытой пасти блестили ряды острых зубов. Руки инопланетянина лежали на столе, когти на них то появлялись, то исчезали.

— Э... что-нибудь случилось? — весь напрягшись, осторожно спросил Келли.

На мгновение над столом повисла тяжелая тишина, затем Тлеймейси закрыл рот и окончательно убрал когти.

— Я расстроился из-за допущенной ошибки. Продолжим.

Сосредоточиться Келли уже не мог. В голову лезли нехорошие мысли. Он полагал, что игра идет на обратный билет. Теперь получалось, что на карту поставлена и его жизнь.

В следующие десять ходов Тлеймейси полностью компенсировал свои потери. Келли исподтишка поглядывал на олита, гадая, мог тот броситься на соперника, будучи пленником Слейча... или все-таки не мог? А что, если честь значила для него больше, чем жизнь, а проигрыш представителю другой цивилизации означал бесчестье?

По спине Келли текли струйки пота. Возможно, Тлеймейси и не думал об этом... но, опять же, кто бы взял на себя смелость утверждать обратное? Решение созрело незамедлительно. В конце концов несколько дней в Игровом Центре ему не повредят.

Через семь ходов землянин признал себя побежденным.

— Игра закончена, — прогремел Слейч. — Тлеймейси, возвращайся в Трансферу и готовься к отлету. Келли Маккейн, иди в комнату отдыха.

Олит встал, попрощался с Келли, скрестив руки перед собой, и вышел из лаборатории. Келли облегченно вздохнул и направился к себе.

— Для начинающего ты играл хорошо, — раздался вслед голос Слейча.

— Благодарю, — пробурчал Келли. Теперь, когда Тлеймейси находился за

крепкой стеной, он усомнился в правильности принятого решения. — Когда следующая игра?

— Приблизительно через двадцать часов. Трансфера доставит олита на его планету и отправится за твоим следующим соперником.

— Двадцать часов? — Келли остановился на пороге комнаты отдыха. — Одну минуту, — он повернулся и пошел к нише, где стоял стол, но не сделал и двух шагов, как перед ним возник и тут же взорвался огненный шар.

— Эй! — Келли отпрянул назад. — Что такое?

— Подходить к Трансфере запрещается, — последовал резкий ответ.

— Еще чего! Если я должен торчать тут целый день, то могу хотя бы взять книги? Они у меня в столе.

— Понятно, — ответил Слейч после короткого молчания. — Пожелуй, ты прав.

Келли хмыкнул и осторожно двинулся к нише. Он выдвинул ящики стола и достал три книжки в мягких обложках, полдюжины журналов, блокнот и две ручки. Выйдя из ниши, он показал свою добычу.

— Видите? Ни одной нейтронной бомбы.

— Иди в комнату отдыха, — Слейч не нашел в словах Келли ничего забавного.

За игрой Келли пропустил время ленча и обеда. Теперь пустой желудок напомнил о себе. Следуя указаниям Слейча, Келли нажал несколько кнопок в настенном пульте и получил поднос с едой, безвкусной, но быстро утоляющей голод. Настроение Келли улучшалось с каждой ложкой. Поев, он взял одну из книжек и завалился на кровать. Но, вместо того, чтобы раскрыть ее, уставился в потолок и задумался.

Он не был азартным игроком, хотя неплохо играл в шахматы и часто выигрывал. В других играх ему обычно приходилось признавать себя побежденным. И тем не менее он едва не победил инопланетянина. В игре, предложенной им самим! Причем не просто инопланетянина, но представителя цивилизации, освоившей межзвездные полеты. И олит, если только он не был круглым идиотом, не стал бы предлагать игру, в которую не умел играть сам. Даже Слейч не ожидал от него такого успеха. Означало ли это, что по потенциальным возможностям он превосходил олита?

Если это так, то он мог не беспокоиться о будущем. Кем бы ни был его следующий соперник, он сможет обыграть его. Например, в фо-плай. Во-первых, игра ему понравилась, во-вторых, не составляло труда выучить ее довольно простые правила. Келли подумал, что игрой заинтересуются и на Земле. Настольные игры переживали там настоящий бум. На фо-плай он бы не разбогател, но мог заработать на карманные расходы.

А тогда... не стоило ли ему побыть здесь неделю-другую? Конечно, в этом

¹ Национальная японская игра. — Прим. пер.

есть элемент риска, но без него не выручить и доллара.

— Слейч! — крикнул Келли в металлический потолок. — Что случится, если я проиграю следующую игру?

— Ты останешься здесь, пока не выиграешь или до окончания цикла экспериментов.

Келли довольно улыбнулся. Значит, ничего страшного, если он будет продолжать проигрывать. Нехитрый эксперимент придумал этот стриф. Земные психологи нашли бы что-нибудь позакovskyристов. Не означало ли это, что люди умнее стрифов?..

«Бюро Инопланетной Жизни, Клерс.
Директору Родау.

Дорогой Родау!

Проблема людей принимает все более тревожные очертания. Восемь дней назад мы приступили к третьей фазе эксперимента. Человек играл с представителями четырех цивилизации олитов, фейволиков, спромсов и тимфрачи. В каждом случае игру предлагал кто-то из них, а человек вносил в правила незначительные изменения. Как и ожидалось, он постоянно проигрывал, но имел выигрышную позицию за несколько ходов до окончания партии. Наш специалист по контактам Слейч предположил, что человек проигрывает сознательно, но учитывая, что на карту ставилась часть и свобода землянина, не мог найти причины столь необычного поведения. Однако в разговоре 1 лисмо (запись прилагается) человек подтвердил наши подозрения и объяснил свои проигрыши желанием получить материальную выгоду.

Я уверен, что вы заметили сходство психологии людей и кейнзов: стремление получить прибыль, даже ценой личных неудобств, и твердая убежденность в том, что последнее слово останется за ними. История показала, что именно эти качества в сочетании с высоким интеллектом позволили кейнзам одержать не одну победу.

Если только дальнейшие исследования не вскроют особенности характера людей, которые могут воспрепятствовать их космической экспансии, я убежден, что мы должны незамедлительно уничтожить Землю.

Исходя из необходимости выявить действительные возможности людей и учитывая, что подопытный отказывается сотрудничать с нами, мы вынуждены применить более эффективный стимул. Результаты эксперимента будут посланы вам сразу же по его завершении.

С уважением,

Элфис,

Директор Центра

Игровых Исследований,
Вар-4.

3 лисмо 3829 года».

Перевел с английского В. ВЕБЕР

Окончание следует

Рисунок И. МЕЛЬНИКОВА

Дейвид Фрики

АМЕРИКАНСКИЙ ПРОСТАК

Джон Милленкемп по прозвищу Кугер (Пантера) — американская рок-звезда первой десятки, на счету у которой три «платиновые» пластинки, бесчисленные знаки внимания почитателей, ну и так далее — что полагается в подобных случаях. Вы уже без труда представляете себе образ жизни этой рок-звезды: утро, которое начинается в полдень, ленивую репетицию, на которую звезду доставляет сверкающий лимузин, пресс-конференции, раздачу автографов, а вечером банкеты, блики фото-вспышек, шампанское, красавиц в умопомрачительных туалетах, рекламную белизну зубов, ослепляющую рекламные улыбки... Однако не спешите.

Ничего этого нет. Джон Пантера — человек иного сорта и звезда иного сорта тоже. Живет он не в квартале звезд где-нибудь в Калифорнии, а в скромном доме в родном Сеймуре, штат Индиана, в котором родился 7 октября 1951 года. Почему? Да потому, что здесь живут его родные и друзья, с которыми он учился в школе. Разве это не достаточная причина для нормального человека?..

Начинал Милленкемп, как и положено, с самодеятельных групп, которые, по американским традициям, базировались в гаражах. В числе таких «гаражных» групп была и «Трэш»: здесь Джон познакомился с гитаристом Лэри Крейном, который играет с ним и по сей день. В 1975 году «Трэш» распалась, но Милленкемп заметил сам Тони Де Фрис, бывший продюсер Дэвида Боуи. Де Фрис организовал мощную рекламную компанию: в прессе начали появляться заметки, возвещавшие пришествие «нового демона рока» — обещали некий гибрид Боуи и Спрингстина. Продюсер наладил производство плакатов и маек, с которых мрачно взирал нечесанный Джон, снабженный сопроводительной надписью «Джон-пантера». Де Фрис полагал, что знает толк в псевдонимах. Однако несмотря на рекламу, дебют Джона Пантеры получился более чем скромным: пластинка «Инцидент на улице Каштанов» (1976 год), состоявшая полностью из чужих вещей, привела в уныние даже самого исполнителя, не говоря уже о слушателях.

Следующая пластинка, «Биография», которую Джон записал в 1978 году при посредничестве Билли Гаффа, тогдашнего продюсера Рода Стюарта, оказалась еще менее удачной: если о первой

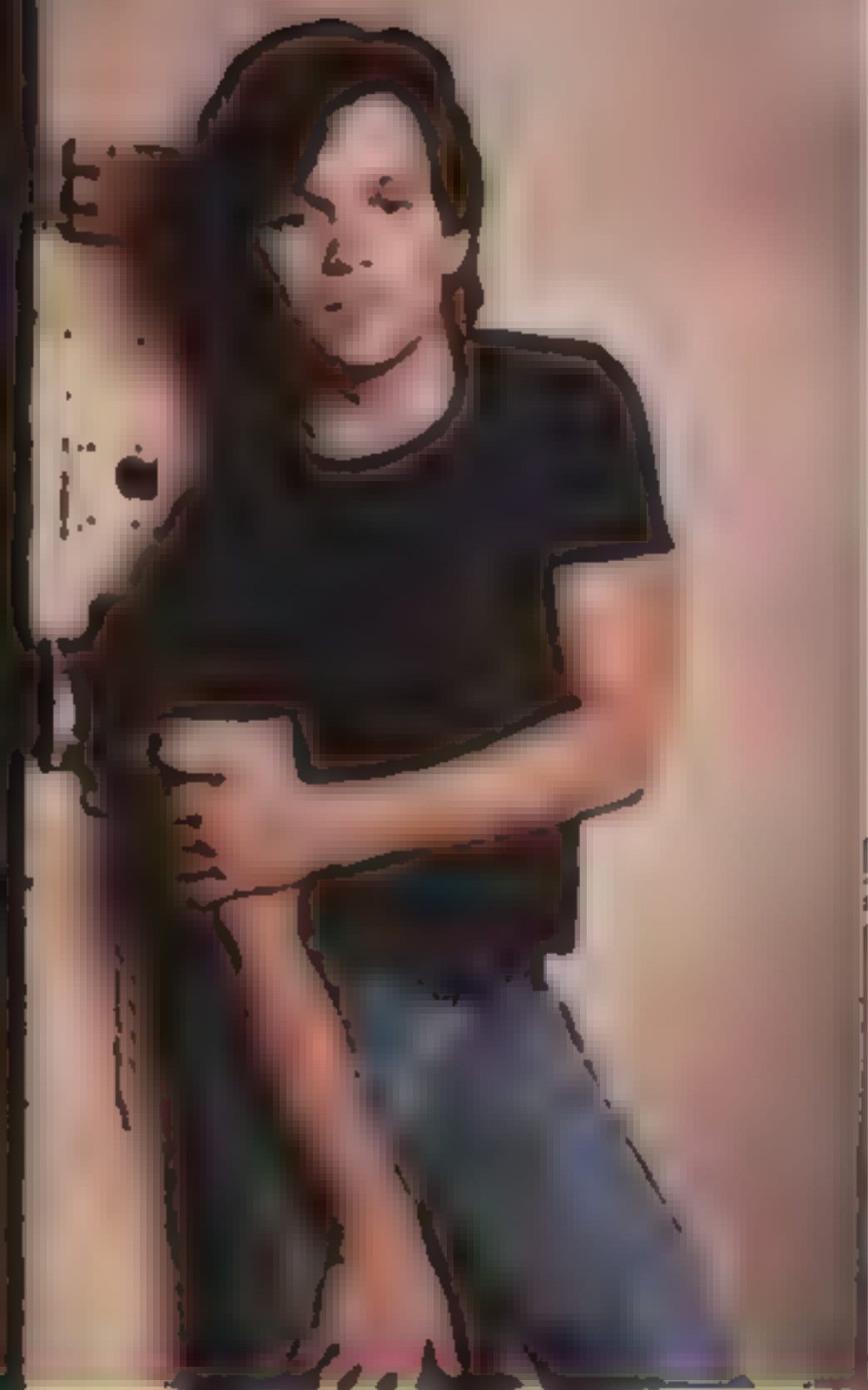
критики отзывались очень плохо, то эту они просто не заметили. Трудно сказать, почему он не бросил неблагоприятное занятие рок-музыкой, но в 1982 году настойчивость Милленкемпа была наконец вознаграждена: альбом «Американский простак» те же критики единодушно признали лучшей работой сезона. Спустя год Джон выпустил пластинку «У-гу», которая отмечена печатью подлинного мастерства, а композиция «Розовые домики» занесена в анналы рок-музыки рядом с такими вещами, как «Один день из жизни» «Битлз» и «Лестница в небо» «Лед зеппелин». Но наибольший интерес привлек его альбом «Пугало», выпущенный в конце 1985 года: в нем на фоне печальной повести о фермерском кризисе разворачивается картина великого крушения Великой Американской Мечты.

— Ваши концерты весьма напоминают шоу Спрингстина¹: как и он, вы не пользуетесь группами-подогревателями, как и он, вы включаете в свой репертуар композиции 60-х годов — как Спрингстин, как Спрингстин... Вы не боитесь, что на волне «спрингстиномании» вы можете потеряться, а ваша музыка обречена на вечное сравнение с творчеством Брюса?

— По-моему, в таких сравнениях нет ничего плохого — мне кажется, я возвращаю людям кое-что из того, что они дали когда-то мне, и если Брюс делает то же самое, прекрасно! И вообще, если рок черпает свое вдохновение в том, что он уже сделал для людей, значит, такая музыка доказала право на жизнь. Обратная связь существует, это самое главное. Я впервые встретился со Спрингстином лишь в прошлом году, когда он выступал в Индианаполисе. Брюс был очень любезен, он сказал, что ему нравится моя музыка, в общем, вел себя как старший брат. Потом первая скованность исчезла, и Спрингстин, смеясь, рассказал, что мои «Розовые домики» вдохновили его на целую серию песен, хотя большинство критиков до сих пор считают, что это я «содрал» свою вещь с его «Небраски».

— Впервые приехав на гастроли в Нью-Йорк, вы воскликнули: «Привет, Нью-Йорк, принимай лучшую в мире группу!» Какова доля иронии в этой фразе?

¹ «Ровесник» писал о Брюсе Спрингстине в № 6 за 1986 год.

— Изрядная, хотя я уверен, что запас моих возможностей отнюдь не исчерпан.

— И что же мешает их реализации?

— Недостаток таланта. Некоторые рождаются талантливыми, некоторые — большинство, к которому я отношу и себя, — приобретают некое подобие этого дара путем длительной практики. Работы. Вот пример — песня «Джек и Дайана» (хит 1982 года. — Пер.): я просто впадаю в бешенство, когда люди, услышав строчку «Держись за свои шестнадцать лет как можно дольше», обвиняли меня в том, что я признаю к вечному отрочеству. В действительности же я хотел сказать, что юность — необыкновенный дар, и нужно пронести его в душе через всю жизнь. Я получил хороший урок: если хочешь писать песни, учись выражать свои мысли точно, чтобы не возникало подобных недоразумений.

— А что вы можете сказать о песне «Розовые домики»?

— Это обыкновенный репортаж. Я ехал на машине по Индианаполису, остановился у светофора и увидел пожилого негра, сидевшего на ступенях возле входа в розовый дом. На коленях старик держал котенка. И все. Он помахал мне рукой, я махнул ему в ответ. Потом приехал домой и написал песню. Я не вполне ею доволен, особенно концовкой — получилось чересчур мрачно: «Есть победители и побежденные, но дело не в них. Пока они сражаются,

простой человек оплачивает их счета за удовольствия, ведь они бьются из-за удовольствий, не так ли?» Наверное, можно было бы написать лучше, но главное я сказал: обыкновенный человек, этот самый американский простак, всегда в проигрыше.

— Следующий вопрос, наверное, может показаться нелепым, но все-таки: как вы пишете песни?

— О музыке я вам ничего сказать не могу, сам не понимаю, как она получается, а слова... Иногда я пишу их очень быстро, обязан этим в первую очередь школе, где мы часто играли в экспромты, и я был одним из лучших. Что-то вроде: «Видишь, Микки, это Джон», — говорит первый. Второй немедленно откликается: «Он сегодня удручен». Третий: «Джонни видел страшный сон». Следующий: «Как его целует слон». Такие упражнения очень помогают.

Но тексты для «Пугала» мне дались очень тяжело. Во-первых, я впервые работал с пишущей машинкой — до этого я всегда писал карандашом и никогда не исправлял написанного, мне казалось, что в этих каракулях и есть истинный дух песни. Но, увидев свои слова напечатанными на машинке, я как бы взглянул на них другими глазами и с ужасом обнаружил, до чего же я глуп и бездарен! Я переписывал и переписывал по нескольку раз, и каждый раз получалось все хуже и хуже. В общем, так долго я никогда не работал. И, во-вторых, сама идея «Пугала» — страх американских фермеров перед своей родиной, Америкой, — пугала и меня самого: получится ли? Я не имел права быть пошлым и неискренним.

— «Пугало» — серьезная попытка поднять очень важные темы. Но вы шли к этому десять лет, не слишком ли долго?

— Я считаю, что всегда был ориентирован на острые социальные вопросы. В 60-е, еще когда учился в школе, я носил траурную повязку, символизирующую мой протест против войны во Вьетнаме. Я специально ездил в Вашингтон, чтобы подписать призыв к прекращению войны. Но долгое время я полагал, что говорить обо всех этих проблемах в песнях — нелепо, слишком претенциозно. Мне казалось, что социальные вопросы, поднимаемые средствами рок-музыки, вряд ли будут восприниматься серьезно.

— Ваши песни «Лицо нации» и «Розовые домики» звучат как антинациональные гимны, в них говорится об эрозии Американской Мечты. Но тем не менее во время ваших концертов обязательно находятся зрители, размахивающие звездно-полосатым флагом, причем делают они это в самые неподходящие моменты. Как вы отнеслись к тому, что президент Рейган заинтересовался «Розовыми домиками» и даже изъявил желание использовать эту песню в своей предвыборной кампании?

— Бредовая идея! Один из его помощников действительно обратился к моему поверенному с просьбой обра-

ботать и записать эту песню для Рейгана. Мы ответили отказом, а когда он спросил, почему, вежливо, очень вежливо, указали ему на дверь. Он терзал нас целый день, но ничего не добился.

— Как бы вы охарактеризовали свои политические взгляды?

— Они ничем не отличаются от тех, которые приводят в пример на уроках истории в пятом классе: я свято чту ценности, лежащие в основе нашей конституции. Но я не верю политикам, которые с телеэкрана обещают мне немислимые блага, если я буду за них голосовать. А если не буду? Значит, они ничего этого не сделают? Конечно, не сделают, потому что они обманщики.

— А за кого вы голосовали в прошлый раз?

— Я никогда не голосовал.

— Почему?

— По той же причине, что и большинство американцев: не вижу разницы между кандидатами. Поэтому мне безразлично, кто из них станет президентом, все равно ничего не изменится.

— Вы были очень активны при подготовке концерта в помощь фермерам, «Фарм эйд», хотя вряд ли вас можно считать выходцем из фермерской семьи. Откуда такой интерес?

— Мой дед был плотником. А его отец, мой прадед, фермером. Муж моей младшей сестры тоже фермер. Он работает как вол, 18 часов в день. Недавно он сел и подсчитал свой заработок. Оказалось, гроши. У него несколько сот свиней, клочок земли и куча долгов. Он до смерти перепуган, не спит ночами, все думает, а что будет завтра? Вот такое фермерство я знаю, точнее — только такое. Об этом же говорят и мои друзья, с которыми я учился в школе. Песня «Дождик на пугало» родилась из долгих разговоров, из телепередач. Мы лишь документально фиксировали факты: строчка про «девятью семь крестов» появилась после передачи новостей — всякий раз, когда ферма идет с молотка, ее бывшие владельцы ставят во дворе крест, как по покойнику.

— Вы отказались от финансовой помощи, которую предлагали власти для проведения «Фарм эйд», вы не позволяете спонсорам финансировать и ваши собственные выступления — почему?

— Любое финансирование в шоу-бизнесе означает соответствующие прибыли для исполнителя, но я не хочу зарабатывать деньги таким способом. Мне предлагали свои услуги пивные компании, но я не согласился на их участие в моих делах хотя бы потому, что вообще не пью. Родители не понимают, почему я отказываюсь от спонсоров, мой старик продолжает твердить: «Ты мог бы ворочать миллионами, Джон! Куй железо, пока горячо!»

— Насколько я знаю, вы также отказываетесь продавать авторские права на свои песни, если их предполагают использовать в коммерческих целях?

— Из-за этого я расстался со своим продюсером Билли Гаффом: он никак

не мог понять, почему я не позволил какой-то пищевой фирме использовать пару моих песен для рекламы соусов. Конечно, песня — это прежде всего источник развлечения. Однако это не означает, что она должна ассоциироваться с кетчупом!

— Вы посвятили альбом «Пугало» вашему дедушке. Какое место он занимал в вашей жизни?

— Дед оказал на меня значительно большее влияние, чем, например, Боб Дилан или кто бы там ни было. Он всегда твердил мне о необходимости получить хорошее образование — теперь я благодарен деду. Дед считал, что бездарных людей нет, просто большинство не знает, в чем их талант: надо найти этот свой талант, чтобы не быть всю жизнь никчемным человеком.

Сам он окончил только семь классов... И еще он очень любил жизнь. Дед ничего не боялся — вот вы спрашивали, голосовал ли я. Дед никогда не голосовал. И очень этим гордился. Однажды он пошел регистрироваться перед выборами, и девочка в избирательской комиссии спросила: «Ваше имя?» — «Харри Перри Милленкэмп», — торжественно сообщил дед. Все вокруг начали смеяться. Он рассердился и не стал голосовать.

— Можно ли сказать, что определенные черты характера вы унаследовали от деда?

— Конечно. Я, как и он, никогда не иду на компромиссы. Как только отступаю от этого принципа, у меня начинаются неприятности. Всякий раз я думаю: «Дед никогда бы так не поступил». Он всегда верил в себя и старался укрепить эту веру во мне.

— Вы были «трудным» подростком?

— Когда мне было восемь лет, я в первый и в последний раз попал в полицию: мы с ребятами залезли в соседский сарай и переломали все старье, которое там хранилось. Нас забрали в полицию, но к вечеру выпустили: это родители, которые были свидетелями наших художеств, решили таким образом проучить своих чад.

— Вы когда-нибудь принимали наркотики?

— В школе мы с приятелями баловались таблетками: целых четыре дня мы чувствовали себя настоящими наркоманами, пока нас не засек учитель. Потом я лично сообщил об этом родителям... Боже, как меня выпороли!

— А как насчет алкоголя?

— Ну и вопросы у вас! Вы, наверное, думаете, что раз я рок-музыкант, то должен был пройти через все тяжкие, да? А я вообще не пью спиртного по ряду причин, но самая главная заключается в том, что когда я выпью, то становлюсь очень злобным и вспыльчивым. Я не люблю такое состояние, да и вообще ужасно противно, когда не можешь управлять своими поступками.

— Говорят, вы окончили университет штата Индиана, получив диплом инженера по средствам радио- и телевизионной связи?

— После окончания школы я целый год не мог найти работу, а к тому времени я уже женился и у нас родился первый ребенок. Получается, что в университет я поступил только потому, что не мог устроиться на работу. Все мои друзья, которые не стали учиться дальше, превратились в безработных. Одно время я подрабатывал плотницким делом, но жена ужасно сердилась, потому что все заработанные деньги я оставлял в магазине грампластинок — как сейчас помню, я починил соседу оконные рамы, и он заплатил мне 18 долларов. Все до последнего цента я выложил за два альбома группы «Десять лет спустя»...

— А когда вы начали играть в группах?

— В пятом классе: мы заводили пластинку и дергались с гитарами, открывая рты, будто сами поем и играем. Впервые я запел в седьмом классе, на школьной вечеринке. Я уже не помню, какая это была песня, но, по-моему, впечатление было ужасным. Моей первой настоящей группой стала «Крейп соул» («Креповая душа»), с которой я выступал полтора года. Потом меня пригласили в группу «Снейкпит банана барн». С ней я расстался через неделю, мне объявили, что я не умею петь. После этого я купил акустическую гитару и начал исполнять чужие песни, которые выдавал родителям за свои. Я так и сказал маме, что песню «Вселенский солдат», которую поет Донован, написал я...

— Вот уж сорал так сорал!

— Конечно, но почему я это сделал? Потому что мои родители постоянно твердили: «Все эти парни с длинными волосами разрушают американское общество». Мне до смерти надоели такие разговоры. Но я прекрасно понимал, что если бы родители выслушали хотя бы какую-то одну из этих прекрасных песен, они изменили бы свое отношение не только к рок-музыке, но и к нашему поколению. А как я мог их заставить? Так и получилось: когда мама послушала «Вселенского солдата» в моем исполнении, она целый вечер не могла прийти в себя, ей очень понравилась песня. Потом я рассказал им правду — я просто хотел доказать, что рок вовсе не чепуха.

— Что вам нравится из современной рок-музыки?

— Если говорить о самых последних пластинках, то, пожалуй, я бы выделил новый диск Йони Митчел. Очень нравятся два новых альбома «Лос Лобос» (американская группа, играющая так называемый карибский ритм-энд-блюз; их альбом 1985 года «Выживут ли волки?» был отмечен премией «Грэмми». — Пер.). Но все же мне ближе хард-рок 70-х: разве «Дым на воде» 1972 года «Дип перпл» можно сравнить даже с их новыми песнями, не говоря уже о последних работах менее авторитетных групп?

— Когда ваш первый альбом провалился, нашлись люди, которые говорили: «Я же предупреждал!»

— Насколько помню, нет. Большинство отнеслось к моему провалу сочувственно. Настолько сочувственно, что мне казалось, будто я присутствую на собственных похоронах.

— После той неудачи у вас все же нашлись силы для повторной попытки: альбом 1978 года «Биография», хотя тоже не из ваших лучших, тем не менее подтвердил наличие у исполнителя силы воли. Но впервые о вас серьезно заговорили в 1980 году, когда был записан альбом «Ничего не имеет значения, но что, если я ошибаюсь?» — в чем причина такого затяжного пути к успеху?

— А был ли успех? После очень плохой первой пластинки я три года ездил с концертами и выдохся. По-моему, я не пропустил ни одной мало-мальски пригодной площадки — играл везде, где только придется. Наверное, это и помогло, публика меня заметила и простила неудачный дебют.

— Однако успех «Американского простака» был весьма впечатляющим. Оказался ли он неожиданным для вас?

— Да, я не мог даже предположить ничего подобного. Когда я записывал этот диск, парни из студии, которые присутствовали на репетициях, говорили, что я совершаю самую большую ошибку в своей жизни, им казалось, что в музыке мало хард-рока: «Ты будешь звучать как «Клэш». Кончилось тем, что я вышвырнул из студии всех доброжелателей и примерно неделю работал спокойно. Потом они отказывались тиражировать диск. Даже продюсер сомневался, хотя ему уже нечего было терять: он ухлопал на запись всю наличность. Но оказалось, что людям такая музыка нравится — я до сих пор слышу некоторые вещи по радио.

— Ходят слухи, что несколько лет назад вы написали сценарий для фильма, какова его судьба?

— Все верно, летом 1984 года я создал что-то вроде пьесы под названием «Путь за решетку». Это история двух парней моего возраста, оба они попались в ловушку нашей системы — я имею в виду безработицу: один возненавидел весь мир, второй пытается разглядеть в этом мире что-то хорошее и хоть как-то воздействовать на своего друга, в общем, нечто сентиментально-социальное.

Я отдал пьесу в кинокомпанию «Уорнер бразерс». Вначале им вроде бы понравилось, они решили снимать фильм, в котором предполагалось и мое участие. Но сценарий — они так называли мою писанину — надо было доработать. Они наняли какого-то сценариста, ему не понравилось все, но, как он сказал, в характерах героев что-то было. Он переписал все от начала до конца, оставив тех же героев, которых он заставил делать совсем не то, что хотел я.

Когда продюсер увидел новый сценарий, он сказал: «Драматургически

это лучше, но снимать по этому сценарию никто не станет, скучно — где я найду такого режиссера?» Режиссер тоже посмотрел сей труд и сказал, что если я не буду в фильме петь, он ничего не станет снимать. Но если бы я знал, что должен петь, то с самого начала написал бы что-нибудь другое.

— А вам вообще предлагали сниматься?

— Предлагали. Но, как правило, в роли рок-певца. Знаете, такое клише: он певец, он бунтарь, он кого-то любит, а его не любит никто.

— А что-нибудь серьезное?

— Ну если считать серьезной ролью персонаж, которого весь фильм режут, стреляют и вешают, то такое предложение однажды было.

— А если бы вы не занимались музыкой и не было бы никаких шансов сниматься, что вы стали бы делать?

— Я был бы строителем у себя в Индиане. А на что еще я могу претендовать? Хотя у меня и есть диплом, я уже не помню, как называются все те приборы, которые я обязан знать как свою ладонь. Я умею пилить доски и прибивать их гвоздями друг к другу, потому что этому меня научил дед. Я всегда работал с ним на каникулах. До самой моей свадьбы мы работали вместе с дедом. И несмотря на то, что я был очень ленивым плотником, дед был снисходителен ко мне.

— Ваши альбомы очень хорошо расходятся и, по-видимому, вы неплохо зарабатываете, вы могли бы жить в любой точке нашего шарика, почему вы предпочли Индиану?

— Вся реальность, как вы его называли, шарика воплощена для меня в Индиане. И потом, здесь живут мои друзья. Это мой мир. Я знаю, что есть люди, которые не любят меня, мою музыку. Но даже они признают, что я занимаюсь своим делом честно, не из выгоды. Я стараюсь обойтись без чужой помощи, роль фирм грамзаписи пытаюсь свести к минимуму — я не очень талантлив, но я не продаю свой маленький талант.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пока этот материал готовился к публикации, Джон Милленкемп выпустил новый альбом, который называется «Юбилей в одиночестве». Как пишет известный американский музыкальный критик Роберт Кристgau, «этот диск поднимает еще более серьезные вопросы, чем предыдущая работа Джона, его великолепное насмешливое «Пугало». Настало время говорить о зрелости автора, поскольку такие композиции, как «Реальная жизнь», «Проверь досконально», «Бумага и пламя» и «Очаровательная бомба», с музыкальной точки зрения, выполнены безукоризненно — смесь хард-рока и латиноамериканских ритмов в стиле Сантаны можно сегодня считать вершиной, которую наконец-то покорил американский «южный рок».

Материал, который вы прочтете на этой странице, можно было бы озаглавить «О чем писал «Ровесник» восемнадцать лет назад», или «Музыка ваших мам». Потому что восемнадцать лет назад этот певец был очень и очень популярен, и «Ровесник», естественно, писал о нем и даже публиковал его фотографию с автографом — пожеланием счастья вашим мамам. А мамы тогда учились, работали, влюблялись, попробуйте, скажите им слова: «Май, май, май Дилайла, уай, уай, уай Дилайла». Это может оказаться куда более сильным аргументом в привычных семейных дискуссиях на повышенных тонах, нежели злобное «Ты никогда не была молодой, ты ничего не понимаешь!» Мама улыбнется, и снова станет юной, и поймет, может, и ваши «Пет шоп бойз» или даже «Металлику».

Потому что в конце шестидесятых Том Джонс тоже был одним из королей поп-сцены. Том Джонс, Энгельберт Хампердинк, Сэнди Шоу — такие тогда были имена, стоявшие в таблицах популярности рядом с «Битлз», «Роллинг стоунз», другими юными звездами рока. Том Джонс — это был не рок, это был поп, или то, что у нас привычнее называют «эстрадой». Хампердинка, Сэнди Шоу — где они теперь! — помнят разве только их старые поклонники или знатоки-специалисты. А вот Том Джонс... Недавно он вновь ворвался в хит-парады, потеснив тех же «Пет шоп бойз», «Левел 42» и многих не менее ныне популярных. И английский еженедельник «Нью мюзикл экспресс», самый что ни на есть «роковый» и молодежный, опубликовал с ним интервью, назвав просто:

СЛАВА КОРОЛЕЙ НЕ УМИРАЕТ

Дэвид КУОНТИК,
английский журналист

Когда он идет навстречу, кажется, что на вас надвигается то ли танк, то ли самодвижущийся деревенский амбар. Удивительно — вблизи это ощущение пропадает, и только осторожность, с которой Том Джонс пожимает мне руку, свидетельствует о невероятной силе, скрытой в этом великаны. Он привык пожимать руку осторожно, осторожно усаживаться, он привык сдерживать себя, свою силу, оберегая собеседников.

В этом огромном человеке живет потрясающий голос — «смертельное» оружие, которым наградила его природа. Проходят годы, а его баритон приобретает все большую мощь, и кажется, что при первых же звуках оркестра голос сомнет аудиторию как безумная весенняя река — собственно, почему кажется! Так уже было. Давно было. Но только и в свои 47 лет Том Джонс еще способен превращать обычные сентиментальные песни в настоящие гимны торжествующей любви. Его последний хит «Парень из ниоткуда» сделан в традиционной для певца манере, которую... Как определить! Песня-то начинается довольно мирно, журчит оркестр, нежно вступает хор — и взрыв! Это не может быть человеческий голос, так кричит первозданный хаос, становясь материей.

И в форме речитатива этот голос производит впечатление, он с грохотом перекачивается по комнате, в то время как его хозяин устранивается на большой зеленой софе: громадный уличный кот, который наконец зажил счастливо рядом с блюдечком, в котором не переводится молоко. Эй, Том, расскажи про блюдечко!

— Голос-то! А он был всегда, сколько я себя помню. Только благодаря голосу у меня и появился шанс. А без него... не знаю, наверное, жизнь сложилась бы по-другому. Но голос все еще есть, и это придает мне уверенность.

Как сложилась бы жизнь у шахтерского сына из городка Понтипридда, Уэльс, рожденного в со-роковом году, работавшего плотником, строителем, продавцом пылесосов и проч. Пел в местном пабе, хулиганил на танцплощадке...

— Да, в молодости я танцевал... Тогда только появился рок-н-ролл, я без танцплощадки жить не мог! Самое обидное, когда танцуешь в толпе, тебя никто не видит, а на сцене!.. Здесь я центр внимания, хотя танцевать почти разучился. Но все равно не могу устоять на месте, когда пою, обязательно приплясываю.

— Значит, ничего особенного! Всего-навсего пою и приплясываю! А когда-то твои выкрутасы на сце-

не считались чуть ли не вызовом общественной морали. Наверное, в твоём родном Уэльсе жили очень прогрессивные люди, раз в 50-е тебя не привлекли к суду за оскорбление нравственности: помнишь, тогда и Элвиса Пресли запрещено было показывать по телевидению в полный рост. А когда ты появился, то в прессе, ты уж извини, писали вовсе не о твоём голосе, а о том, как ты «приплясываешь». Либо: «Поведение Тома Джонса — вызов общественной морали», либо: «Том Джонс — Мужчина», и непременно с большой буквы.

— А так всегда бывает: какая-нибудь полоумная девчонка из газеты влюбится в певца и ну расписывать не жалея сил. Остальные, которые его и в глаза не видели, подхватывают этот бред, и поехали — когда началась шумиха вокруг меня, я всего-то один раз выступил в телепрограмме, поэтому большинство не могло меня знать. Эти журналистки сделали мне рекламу, до которой я бы никогда не додумался. Надо же: «Том Джонс — эталон мужской красоты для целого поколения». Вот глупость!

— А все-таки: каким было начало!

— Без ложной скромности скажу: потрясающим. Помнишь: «Битлз», битломания, интернациональные фирмы грамзаписи! И как часть всего этого — я. Как все совпало, а! Но самое главное, надо было не очень торопить события, а я поначалу разогнался: купил «ягуар», начал изображать из себя эдакого разочарованного Байрона, короче — принялся бежать впереди самого себя. Но потом меня остановила мысль: «Это же не я!» И я понял, что самое главное — надо оставаться самим собой, чтобы не было противно.

— Говорят, ты дружил с Элвисом Пресли!

— Понимаешь, ему понравилось, как я пел какую-то его песню. Вообще Элвис считал, что английские певцы вносят в американские песни какой-то особый привкус. Он относился ко мне как... как к младшему брату, что ли. Но никогда мне не льстил. Однажды я записал пластинку в сопровождении большого оркестра, и Элвис сказал: «Том, ты делаешь ошибку». На что я ему ответил — весьма заносчиво: «Ты ещё не знаешь всей глубины моего таланта!» Он засмеялся: «Это епархия Синатры, не лезь не в своё дело». И вер-

но, Пресли был прав, я чуть было не пошел по неверному пути. Элвис был настоящим королём рока, сейчас таких нет, да и никогда больше не будет.

— Помнишь свою первую пластинку! Там была отличная подборка песен Чака Берри и Соломона Бёрка, ты здорово пел дуэтом с Джимми Тэрбаком. Это случайность, что он выступает вместе с тобой в новом мюзикле «Матадор» (в конце прошлого года вышел одноименный диск Тома Джонса с песнями из этого мюзикла. — Прим. ред.)!

— Я как-то об этом не думал... Может быть, и не случайность. «Матадор» — довольно энергичное шоу, поэтому необходим ещё один певец, способный зажечь зал. А кто может быть лучше Джимми! Иногда нас, правда, заносит, получается что-то на грани хард-рока — помнишь, как я в прошлом году обработал «Поцелуй» Принца! Вряд ли это можно назвать удачей.

— Неудачей я бы это тоже не назвал, хотя иногда твоё пение напоминало рев раненого бизона, но публика была в восторге — такой контраст между тощеньким Принцем и тобой, между его сиропным голосом и твоим громаханием! За четыре минуты ты полностью оправдал существование поп-музыки. А вообще тема подобрана замечательно: Эль Кордобес, легендарный торреро, его блистательный, прямо-таки голливудский взлет из нищеты в столь же впечатляющую роскошь вдохновил на подражание многих. В том числе и тебя, Том!

— Возможно. Моя судьба очень похожа: как и он, я вышел из рабочей семьи, всю жизнь боролся за успех и победил в этой борьбе. И песни, которые я пою в мюзикле, — «Парень из ниоткуда», «Я родился, чтобы быть самим собой» — они о той борьбе и об успехе. Но как о доказательстве победы, а не как о самоцели.

— В отношении борьбы ты, наверное, прав. Что же касается мюзикла «Матадор», то, по-моему, это довольно избитая смесь мелодрамы, поп-водевиля и псевдооперы. Дело спасает только твой голос. Да и музыка не так уж плоха, но кто же был вашим аранжировщиком!?

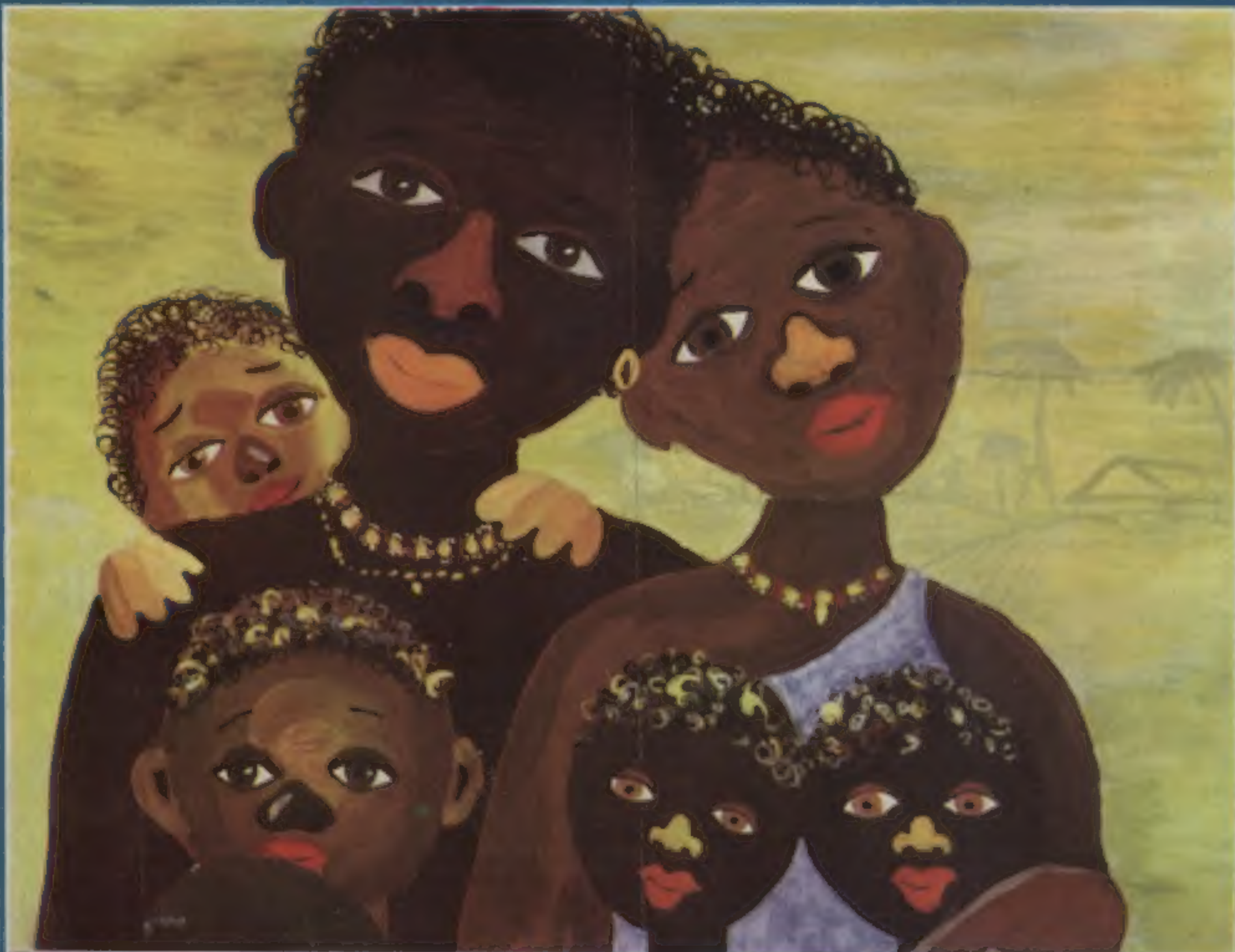
Где-то в вышине, под рубашкой, прокатились волны мышц, это значит, Том пожал плечами — ему нравится, и критики здесь бессильны.

— Тебя послушать, так не жизнь, а картинка: сын рабочего, пел в баре, заметил умный менеджер — и пошло-поехало. Успех, верность себе и все такое прочее. А было ли что-то, что до сих пор грустно или тяжело вспоминать!

— Переезд из Уэльса в Англию. В Лондоне все кругом казалось иностранным, и вокруг были только иностранцы. А что было делать! Если хочешь быть профессиональным певцом, надо ехать туда, куда надо, а не туда, куда хочется. Не сидеть же на одном месте и ждать, когда тебя заметят! Знаешь, какая обратная сторона популярности! Твои друзья, которым раньше с тобой было хорошо, начинают чувствовать себя неловко. Иногда мне кажется, что это и было главной причиной переезда, до сих пор на душе тяжело.

Перевела с английского
Э. САДЫХОВА

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.

JOHN LORD,
RITCHIE BLACKMORE,
ROGER GLOVER,
IAN GILLAN,
IAN PAICE

DEEP PURPLE

Они снова вместе и, кажется, навсегда — по крайней мере так утверждают Йон Лорд (9.06.1941), Ричи Блэкмор (14.04.1945), Роджер Гловер (30.11.1945), Иэн Пейс (29.06.1948) и Иэн Гиллан (19.08.1945) (на снимке — слева направо). Это «Дипперпл» образца 1987 года, то есть группа в своем «золотом» составе, который в начале 70-х годов вывел ее в лидеры мирового рока. Судьба разбросала их по разным группам, но в 1984 году музыканты снова встретились в группе своей юности — дискографию «Д. п.» см. в РЭР (когда дойдет до буквы D).